

ЗАХАР ПАСТЕРНАК

ПЁС ЦАРСКИЙ
ПИОНЕР ПОПАДАНЕЦ

Захар Пастернак

Пес царский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72044602

SelfPub; 2025

Аннотация

Что, если бы ты проснулся во дворце у Николая II... но стал собакой?

Паша – обычный советский пионер. До тех пор, пока одна экскурсия не превращает его жизнь в невероятное испытание: он оказывается в теле дворового пса накануне Первой мировой войны. Только один человек может слышать его мысли – сам император. Но царский двор полон тайн, а в подземельях зреет заговор анархистов.

Паша мечется между будущим, которое он знает, и прошлым, которое может спасти. Поддержать монарха или бороться за революцию? Вернуться домой или остаться, чтобы изменить ход истории?

Остросюжетная история о храбрости, сомнениях, дружбе и том, как даже один человек (пусть и в собачьей шкуре) может повлиять на целую эпоху.

Захар Пастернак

Пес царский

Паша не сразу осознал, что его тело – это нечто иное, чем просто оболочка. Он лежал на холодной, сырой земле заднего двора, а вокруг него бушевала жизнь, полная свирепости и хаоса. Грязь, смешанная с остатками еды, прилипла к его шерсти, а откуда-то доносился резкий запах старого мяса. Он попытался встать, но его лапы не слушались. Вместо привычного человеческого движения, он выбросил переднюю конечность вперёд, и это вызвало бурю эмоций: от ужаса до паники.

"Что со мной? Почему я не могу говорить?" – мысли металась в его голове, но вырвался лишь пронзительный лай. Паша в панике огляделся. Двор был полон агрессивных псов, каждый из которых, казалось, был готов к драке. Они скулят и воют, словно заклинания, угрожая друг другу, и только усиливали его ужас.

"Смотри, кто пришёл! Бродячая шавка!" – голос одного из дворовых псов, огромного кобеля с изрезанными ушами, раздался над остальными. Паша почувствовал, как его сердце забилось быстрее, как трепет перед опасностью. Он стиснул зубы, но вместо того, чтобы произнести ответ, лишь снова испустил лай, который звучал жалобно и неуверенно.

Вокруг него оживала настоящая драма: один пес бросился

на другого, в их глазах сверкали искры ненависти, как будто это был бой на жизнь и смерть. Паша, смущенный и испуганный, понимал, что эти существа живут по своим правилам, далеким от его прежнего мира. Он чувствовал себя лишним, как будто его выбросили за пределы привычного существования.

"АААААааааа!" – раздался голос с заднего двора. Это была девочка, её громкий, неуверенный крик пробился сквозь гул, как луч света. Она стояла на пороге, её светлые волосы развевались на ветру, а глаза, полные заботы, искали его среди своры. Паша заскулил, надеясь привлечь её внимание, осознавая, что только она может помочь ему выбраться из этого безумия.

Девочка подошла ближе, пока остальные псы отвлекались на свою борьбу. "Собачка?!" – её голос стал чуть громче, и её растерянность сменилось волнением. Она наклонилась, чтобы рассмотреть его, и этот взгляд, полон нежности, как будто мог бы пробудить в нём надежду.

"Девочка, помоги мне! Я не знаю, что делать..." – он вновь попытался говорить, но только произнес резкий лай. Внутри него кипела ярость и страх, как если бы он оказался в неведомом ему мире, где всё, чему он учился, вдруг перестало иметь значение.

Паша окинул взглядом двор, полный грязи и глухих звуков, и вдруг осознал – он не должен позволить страху овладеть им. Он посмотрел на девочку, и в её глазах он увидел

отражение своего растерянного сердца. В этот момент он почувствовал, что у него есть возможность не просто сдаться, а сражаться за своё место в этом безумном мире.

"Я не буду бродячей шавкой," – прошептал он внутренне, и с этим новым намерением поднял свою голову. Паша готовился к борьбе, не зная ещё, какие испытания ждут его впереди.

Девочка сделала шаг вперед, её сердце колотилось в унисон с шорохом листвы. Задний двор, утопающий в утреннем свете, казался ей неожиданно огромным, как будто она оказалась внутри какого-то волшебного мира, где всё возможно. Она прищурилась, всматриваясь в морду Паши – его густая шерсть была взъерошена, а глаза полны страха и непонимания. В этот момент Настя поняла, что между ними есть что-то большее, чем просто связь между человеком и собакой. Её душа отозвалась на его отчаяние.

– Привет, собачка... Как тебя звать?! – пробормотала она, наклонившись ближе. Её голос был тихим, но в нём звучала тепло и искренность, как мелодия, которая чуть не затерялась в хаосе двора.

Паша, как его звали когда-то, не мог ответить. Вместо слов он только вставил короткий, пронзительный лай, который, казалось, был полон отчаяния. Его внутренний мир, полон смятения и страха, не знал, как передать Насте ту бездну, в которую он провалился.

– Я здесь.... Я буду звать тебя Барсиком, в честь кота ба-

бушки, – прошептала она, – я тебе помогу. Просто не бойся. Меня зовут Настя.

Но в этот момент, словно грозовая туча, появился её отец – крепкий, с суровым лицом и недовольным взглядом. Его фигура на фоне солнечного двора казалась тёмной и угрюмой. Настя почувствовала, как в груди у неё похолодело.

– Настя, убери эту шавку! Она может быть бешеной! – прогремел его голос, как гром среди ясного неба. Он шагнул вперед, и Паша, почувствовав угрозу, отступил назад, зарывшись.

– Папа, он не агрессивный! Он просто испуган, – воскликнула Настя, её голос дрожал от страха, но в нём была и решимость. Она знала, что это не просто собака – это её друг, который нуждается в помощи.

– Ты не понимаешь, дочь, – произнёс отец, его голос стал мягче, но в нём всё ещё слышалась угроза. – Эти животные – они опасны. Ты не должна с ними связываться.

Настя, стоя на краю столкновения между отцовским авторитетом и своим стремлением к доброте, почувствовала, как её сердце сжимается. Она не могла позволить, чтобы страх её отца разрушил то, что у неё было с Пашей, даже если сейчас он стал собакой.

– Папа, я... я могу его накормить. Он не хочет нам вреда! – её голос звучал с отчаянием, как будто она пыталась пробудить в нём часть человечности, которую она помнила.

– Настя, – резко произнёс отец, его глаза сверкнули, – если

ты не отойдёшь от него сейчас же, я сам с ним разберусь.

Паша, стоя в тени груды мусора, ощущал эту борьбу. Он хотел выть от отчаяния, но вместо этого принял решение. Он не был просто питомцем, который должен подчиняться. Он был Пашей, и, возможно, это всё ещё значило что-то. Он посмотрел на Настю, и в её глазах увидел поддержку, которую не мог оставить без ответа.

– Я не шавка! – как будто в ответ на её чувства воскликнул он, и его лай стал более уверенным, хотя и полным боли.

Настя, почувствовав силу его духа, сделала шаг к отцу, готовая отстоять своего друга. В этот момент двор вокруг них словно замер – даже ветер, казалось, притих, ожидая, чем закончится это столкновение.

– Папа, если он и правда опасен, то я не могу просто оставить его. Я должна быть с ним, – произнесла она, её голос был тихим, но полным решимости.

Настя и её отец стояли в напряжённой тишине, и в воздухе витали вопросы, на которые ни один из них не знал ответа. Паша, зная, что его выживание зависит от их выбора, решил, что он больше не будет просто жертвой обстоятельств. В его глазах загорелась искра надежды, как будто он нашёл в себе силы, о которых даже не догадывался.

В этот момент, в сердце Петербурга, где переплетались судьбы, началась настоящая борьба – не только за жизнь, но и за дружбу, за человечность, которая могла бы спасти их обоих.

На кухне дома Насти царил уютный хаос. Пахло жареным картофелем и луком, а запах был настолько насыщенным, что, казалось, сам воздух обволакивал. Настя, с потёртым фартучком, стояла у плиты, переворачивая картошку на сковороде. Вокруг неё – горы немытой посуды, на столе валялись остатки обедов и неполные кружки. За окном уже начинало темнеть, сгущались тени, и в углах кухни лежали неопределённые формы, напоминая о том, что здесь живут не только люди.

Барсик, который теперь был Пашей, сидел на полу, облокотившись на шкаф. Его взгляд блуждал по комнате, пытаясь найти в ней смысл. "Я не собака! Я – Паша!" – крик души, который так и остался невыраженным, носился в голове, как волны на бурном море. Он наблюдал за Настей, её добрыми, полными искренности глазами, и в этот миг ему стало немного легче. Он не был один – она тоже чувствовала себя одинокой в этом мире.

– Смотри, что у меня есть! – Настя наклонилась к нему, протянула руку с куском картошки, ещё горячего и с корочкой. – Это тебе, мой хороший.

Паша взглянул на угощение, и его собачье тело, несмотря на все внутренние метания, ощутило радость. Он осторожно укусил кусочек, и вкус картошки, пропитанной маслом, заполнил его рот. Настя улыбнулась, её лицо светилось. В этом куске еды, в её дружбе он увидел проблеск чего-то важного – человечности.

– Знаешь, – продолжала она, присаживаясь на пол рядом с ним, – мне тоже бывает очень одиноко. Папа часто занят, а мама... мама работает в других домах. Я иногда думаю, что хорошо бы иметь друга, с которым можно просто поговорить.

Паша вслушивался в её слова, и несмотря на то, что он был заперт в теле пса, он чувствовал, как его человеческая сторона начинает просыпаться. "Что значит дружба для собаки?" – спросил он себя. Он не мог объяснить это ни Насте, ни себе, но понимал, что её слова касаются чего-то глубже.

– Ты не один, я тоже здесь одна, – сказала она, как будто прочитала его мысли. – Может, мы можем быть друг для друга чем-то большим, чем просто хозяин и питомец?

В этот момент Паша вдруг осознал, что его новое "я" может быть достойным. Он не хотел быть просто "Барсиком", он всё ещё был Пашей, и это имя имело значение. На мгновение он забыл о своих страхах, о том, что его мечта о возвращении домой может быть лишь иллюзией. Вместо этого он решил, что может быть здесь, в этой жизни, с Настей, и это тоже будет чем-то важным.

– Я... я не знаю, как это быть другом, – выдохнул он, хотя его голос остался неслышным для Насти. Но в его глазах читалась решимость. – Я не шавка!

Настя, не понимая, что он пытается сказать, наклонилась ближе и погладила его по голове. Это было так просто и так сложно одновременно. Паша вновь ощутил тепло, исходя-

щее от её рук. Он хотел лаять от радости, но вместо этого просто прижался к ней.

– Я буду с тобой, – сказала она, и в её голосе была такая уверенность, что Паша почувствовал, как его печаль немного отступила. – Мы вместе справимся со всем, что нас ждёт.

В этот момент за окном раздались звуки – шум шагов, разговоры слуг, но на кухне, в маленьком мирке, созданном из тепла и дружбы, они были вдвоём, и этого было достаточно. Паша почувствовал, что, может быть, он не потерял окончательно. Возможно, его новая жизнь только начинается, и он не один в этом странном, запутанном мире.

Настя потянула Пашу за собой, и они покинули небольшую кухню, наполненную мягким светом ламп и теплом готовящейся пищи. Дворец, казалось, дышал неутомимой энергией. За стенами, где они находились, раздавались голоса слуг, мимо проходили тени людей, занятых своими делами. Но для Паша этот мир казался не столь сказочным, как он ожидал. В воздухе витал запах пыли и старых камней, а стены, хоть и украшенные позолотой и бархатом, не скрывали следов времени – трещин и потёртостей, которые говорили о том, что даже в этом великолепии есть свои заботы и тревоги.

– Вот, смотри, это наша комната, где мы храним все нужные вещи, – Настя остановилась у двери, которая вела в маленькое помещение, заваленное посудой и тканями. Оно было не так уж и велико, но здесь царила своя атмосфера: запах

свежего хлеба, звучание шуршания тканей, которые Настя бережно складывала.

Паша пытался сосредоточиться на её словах, но его мысли метались. Он чувствовал себя как в клетке, где каждый звук, каждый шаг лишь усиливал его чувство подавленности. Он не понимал, как ему вести себя в этом новом мире, где всё казалось так непривычно. Его лапы шлёпали по полу, и каждый шаг отзывался в его голове, как громкий удар колокола.

– Здесь я помогу тебе освоиться, – продолжала Настя, и на её лице блестели искорки оптимизма. – Ты скоро привыкнешь. Это наш дом, не бойся!

«Наш дом», – думал Паша, но в его сердце возникала тоска по прежней жизни, по тому, что он знал. Ему хотелось закричать, пожаловаться на свою судьбу, но он лишь смотрел на Настю, пытаясь найти в её глазах хоть каплю надежды.

– Я не знаю, как быть... Я не собака! – думал он, чувствуя, как его собственные мысли разрывают его изнутри. Он смотрел на Настю, пытаясь передать ей все свои переживания, но в этом мире, полном слов и жестов, его внутренний крик оставался невидимым.

Настя заметила, как его глаза потемнели от страха и непонимания. Она наклонилась ближе, чтобы посмотреть на него, и её рука мягко коснулась его шерсти. В этот момент мир вокруг как будто замер, и Паша ощутил, как её тепло проникает в его сердце.

– Мы вместе справимся со всем, что нас ждёт, – произнес-

ла она уверенно, и в её голосе была такая сила, что Паша почувствовал, как его печаль немного отступила. Он прижался к ней, и это было так естественно, что ему казалось, будто они давно были друзьями.

– Пойдём, покажу тебе, как выглядит зал, где проходят балы, – сказала Настя, вставая и потянув его за собой. Они прошли по длинному коридору, стены которого были украшены портретами людей, чьи лица отражали разные эпохи и настроения. Вокруг раздавались шёпоты и смех, но в этом шуме Паша чувствовал себя изолированным. Каждый звук, каждая нота казались ему слишком громкими, слишком резкими.

Когда они подошли к залу, Настя приоткрыла дверь, и Паша увидел, как свет ламп отражается от блестящего пола, создавая иллюзию движения. Зал был полон людей: кто-то танцевал, кто-то разговаривал, а кто-то просто наблюдал. Но, несмотря на шум и веселье, в воздухе витала некая напряжённость, словно все присутствующие знали, что под этой бесшабашной атмосферой кроется мрак и страх.

– Это место всегда наполнено жизнью, – сказала Настя, указывая на танцующих. – Но не бойся, мы здесь, и я буду рядом.

Паша вновь посмотрел на неё, и на мгновение ему показалось, что он действительно может найти своё место в этом мире. Но мысли о возвращении домой, о том, что он когда-то был просто Павлом Алексеевым, вновь накрыли его, как тя-

жёлое одеяло. Он понимал, что его новые друзья, эта жизнь, этот дворец не могут заменить его прежнюю реальность.

Но в Насте он нашёл свет. В её уверенности, в её дружбе было что-то, что давало ему силы, когда он чувствовал себя на грани. И хотя страх всё ещё терзал его, он решил, что, возможно, стоит попробовать остаться. Может быть, этот новый мир, в котором он оказался, тоже заслуживает любви и дружбы.

– Я... – прошептал он, хотя никто не мог его услышать. – Я не один.

Тишина коридора была обманчивой. Весь дворец, казалось, замер в ожидании, но в полумраке, где свет ламп медленно пробирался сквозь окна, шепоты лакеев наполняли пространство тревожной энергией. Паша, сидя на холодном, слегка пыльном полу, прислушивался к их разговору, пока его лапы едва касались гладкой плитки.

– Все начнётся на Рождество, ты понимаешь? – произнёс один из лакеев, его голос звучал напряжённо, будто он словно бы сдерживал дыхание.

Паша насторожился. Он знал, что Рождество – это не просто праздник, это время надежд и ожиданий, но что именно должно произойти? С его новой перспективы, как собаки, он не мог понять, какие события могли бы затронуть этот мир.

– Да, но кто знает, как это повлияет на нас! – ответил другой, его тон был полон опасений. – Если они решат действовать... это может быть катастрофой для всех.

Паша приподнял уши, его сердце заколотилось быстрее. Он понимал, что эти лакеи, его новые друзья, могли оказаться в опасности. В этот момент он осознал, что, несмотря на свою собачью форму, он не может оставаться в стороне. Он должен что-то предпринять, даже если его голос не мог быть услышан.

Лакеи продолжали шептаться, их слова были слишком тихи, чтобы Паша мог разобрать каждую деталь. Он осторожно приподнялся на лапах, пытаясь приблизиться к ним, но его присутствие, как всегда, оставалось незаметным.

– Ты слышал про Виктора? – вновь произнёс один из лакеев, и в его голосе Паша уловил страх. – Говорят, он собирает сторонников.

– Это безумие! – отозвался другой, его интонация была полна отчаяния. – Мы не можем позволить этому случиться. Это не только против власти, это против всех нас!

Паша почувствовал, как его охватывает тревога. Он вспомнил о Насте, о её доброте и смелости. Она не должна оказаться в опасной ситуации. Он, собака, не мог сдерживать свои чувства, и в этот момент, осознав, что его судьба переплетена с судьбами этих людей, он решил действовать.

– Лакеи! – будто бы крикнул он, хотя его голос остался в пределах его собачьего тела. Внутри него разгоралась решимость – он должен предупредить Настю, должен сделать всё, чтобы она была в безопасности.

Паша ринулся в сторону, где оставила Настя, уверенно на-

правляясь к дверям, которые вели в зал, где еще недавно царил веселье. Он знал, что не может просто сидеть и ждать. Время поджимало, и каждую секунду его новые друзья рисковали оказаться в опасности.

Коридор, где только что царил тишина, теперь отозвался эхом его шагов. Он бежал, ощущая, как каменные стены дворца сжимают его, но в то же время, каждое движение приближало его к цели. Он чувствовал, что должен найти Настю, предупредить её о том, что его уши уловили в темноте.

Когда он наконец достиг зала, его сердце забилося в такт музыке, звучащей изнутри. Люди танцевали, смеясь, но в их глазах Паша заметил ту же тревогу, что витала в коридоре. Он пробрался сквозь толпу, стараясь не привлекать внимания. Ему нужно было найти Настю, и он не мог позволить себе упустить ни секунды.

– Настя! – тихо позвал он, хотя понимал, что она не услышит. Он продолжал искать её среди танцующих, зная, что время уходит, а Рождество приближается с каждым мгновением.

Утренний свет пробивался сквозь облака, окутывая задний двор дворца мягким золотистым светом. На земле ещё оставались лужи от утреннего дождя, отражая небо и мир вокруг в искажённых картинах. Паша, теперь полностью вписанный в свою новую реальность, стоял на краю двора, его шершавая шерсть слегка мерцала от солнечных лучей. Он наблюдал за группами дворовых собак, которые, словно кро-

шечные воинства, боролись за достоинство и место в этой иерархии.

Четыре или пять псов резво носились по двору, их игристые рычания и лайние сливались в симфонию, полную жизни и энергии. Паша ощутил, как в его груди поднимается что-то, что он не мог назвать – страх или любопытство? Возможно, и то, и другое. Он не принадлежал этому миру, и это знание давило на него, как тяжёлый камень.

– Эй, новенький! Что ты здесь делаешь? – раздался насмешливый голос. Это был крупный дворняга с вырванным ухом, который, казалось, занимал в этой стае ведущее положение.

Паша, собравшись с духом, поднял голову. Он пытался представить себя смелым и независимым, как эти псы, но его внутренний голос шептал, что он не сможет соответствовать их требованиям. Отправившись на встречу к группе, он понимал, что нужно сделать шаг вперёд.

– Я не собираюсь с вами драться! – воскликнул он, веря, что его слова могут быть восприняты всерьёз.

Собаки остановились, их глаза блеснули недоверием. В воздухе повисло напряжение, как натянутая струна. Затем последовал смех – глухой, грубый. Это был смех стаи, и в нём чувствовалась угроза.

– Ха! А ты и не знаешь, что к чему, да? У нас здесь свои законы, новенький! – произнес другой пес, более мелкий, но не менее дерзкий. Он обошёл Пашу, как будто проверяя, не

слаб ли тот.

Паша почувствовал, как его сердце заколотилось. Он не знал, как действовать, и, возможно, этого не должно было быть. Он всего лишь хотел дружбы, но вместо этого наткнулся на их недоброжелательность. Собаки начали сближаться, и он понял, что им не нравится его присутствие. Его старания были тщетны.

Тревога охватила его, и он, не раздумывая, развернулся и побежал. Ноги сами несли его прочь от угрожающих взглядов. Он мчался по двору, чувствуя, как ветер свистит в ушах и как пыль поднимается за его хвостом, оставляя позади все сомнения и страхи. Он мчался к углу двора, где лужи ещё не успели высохнуть, и, проскочив по ним, оставил за собой лишь брызги.

Собачий смех остался позади, но внутри Паши не утихали сомнения. Он врехался в кусты, прячась от прочих. Там, среди листьев и веток, он почувствовал себя в безопасности, но не мог избавиться от мысли, что он не просто собака – он был Павлом Алексеевым, пионером, мечтающим о справедливости и дружбе. Однако сейчас, в этом мире, он был лишь чужаком.

«Что делать дальше?» – бурлил в его голове вопрос. Он не мог просто оставить всё это и вернуться в свою прежнюю жизнь. Он должен был найти своё место, но как? Паша знал, что нужно действовать, и в какой-то момент он вспомнил о Насте. Её добрые глаза, её смех – это было то, что давало

ему надежду. Он вдруг понял, что если не сможет вписаться в собачью стаю, то должен найти другую семью, ту, где его примут таким, какой он есть.

Набравшись смелости, Паша выбрался из своего укрытия и снова двинулся в сторону, где остались другие собаки, но теперь он знал, что нужно быть осторожнее. Он не мог позволить себе снова оказаться в ситуации, когда его просто оттолкнут.

– Я найду свой путь, – шептал он про себя, уверенно поднимая голову. – Я не сдамся.

Вечернее солнце медленно опускалось за горизонт, заливая кухонный уголок дворца мягким золотистым светом. Настя, присев на пол, с увлечением разрывала корочку свежего хлеба, аккуратно поднося кусочки к мордочке Барсика-Паши. Паша, с интересом наблюдая за её действиями, чувствовал, как тепло от её доброты растапливает его внутренние барьеры.

– Если бы ты мог говорить, что бы ты мне сказал? – весело спросила Настя, щуря глаза от яркого света. Она прикусила губу, ожидая ответа, как будто ей действительно хотелось услышать что-то очень важное.

Паша молчал, его мысли металась между желанием открыться и страхом быть непонятым. Он знал, что не просто собака, но сейчас каждая попытка высказать свои мысли казалась ему безнадежной. И всё же, в этот момент он почувствовал, как к нему приходит доверие к Насте. Она была его

единственным другом в этом странном мире, и он не хотел разочаровать её.

– Я бы сказал, что не собака, а человек внутри, – шептал он про себя, стараясь уловить её взгляд. Он понимал, что в этом мире слова не всегда имеют значение, но искренность чувств может говорить громче любого языка. Настя продолжала угощать его, её голос звучал мелодично, словно нежная музыка, обволакивающая его.

– Знаешь, я мечтаю стать художницей, – призналась она, обмахиваясь от мухи. – Я хочу рисовать такие красивые картины, как в книгах. Чтобы люди смотрели на них и улыбались, как ты сейчас.

Паша, погрузившись в её мечты, вдруг ощутил, как его собственное сердце забилось быстрее. В этом простом желании Насти он увидел отражение своих собственных стремлений – не просто выжить, но и создать что-то значимое, что-то, что объединит людей, даже если он сам стал существом, лишенным слов.

– Я буду рисовать, – продолжала она, не замечая, как её слова наполняли комнату светом. – Я нарисую море и горы, и будет весело! А ты будешь сидеть рядом, как мой верный друг.

Паша закрыл глаза, представляя себе эту картину. Он видел, как Настя, с кистью в руке, создаёт мир, полный красок и надежд, а рядом с ней он, Барсик, её преданный спутник. Это было так просто и в то же время так далеко от его насто-

ящей реальности.

– Настя, – вымолвил он вдруг, плотно сжав губы. – Ты веришь в чудеса?

Она посмотрела на него, чуть приподняв бровь, и на её лице расцвела искренность, которая заставила Пашу почувствовать, что она понимает его больше, чем кто-либо другой.

– Конечно, верю! – с энтузиазмом ответила она. – Я верю, что если очень сильно хотеть чего-то, то это обязательно сбудется.

Словно выслушивая её, Паша поднял голову, ощущая, как в его груди разгорается надежда. Он вспомнил о своих мечтах, о том, что когда-то был человеком с идеалами и стремлениями. Эта дружба с Настей могла стать его путеводной звездой в темноте.

– Значит, я не один, – прошептал он, и в этот момент его страхи начали рассеиваться. Он ощутил, как Настя протянула руку, погладив его по голове, и тепло её ладони разлилось по всему его существу.

– Мы с тобой, Барсик, – сказала она, подмигнув. – И вместе мы справимся с любыми трудностями.

Паша, ощутив её поддержку, понимал, что теперь он не просто должен найти своё место в этом мире, но и сделать так, чтобы Настя могла гордиться своей дружбой с ним. Глядя в её верные глаза, он осознал, что эта связь стала его опорой, и, возможно, именно она поможет ему открыть свои истинные чувства и стать тем, кем он на самом деле является.

– Я не сдамся, – тихо пообещал он себе, вдыхая аромат свежей выпечки и ощущая, как свет вечернего солнца обнимает их обоих. В этот момент, среди уютного кухонного уголка, он наконец почувствовал, что нашел свою семью – ту, которая примет его таким, какой он есть.

Ночь окутала дворец своим таинственным покрывалом, и лишь редкие лучи луны пробивались сквозь окна, оставляя на мраморных полах причудливые тени. Паша, свернувшись у ног Насти, время от времени поднимал голову, прислушиваясь к звукам, которые пробуждали в нем тревогу. Девочка тихо храпела, а её лицо, освещенное мягким светом, казалось таким мирным. Паша позавидовал её спокойствию, которого ему не хватало.

Внезапно в коридоре раздались шорохи – шаги, шепот, и ещё что-то, что заставило его сердце забиться быстрее. Паша встал, осторожно отодвинувшись от Насти, и направился к двери, стараясь не разбудить её. Он прижался к щели, прислушиваясь.

– Ты слышал? – прошептал один из лакеев, голос его дрожал от волнения. – Говорят, что кто-то уже близко.

– Да, – ответил другой, его тон был полон угрозы. – Мы должны быть наготове. Императору стоит знать, что в его собственном дворце не все спокойно.

Паша почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Невидимая угроза нависала над всеми, кого он знал и любил. Он не мог просто оставаться в стороне и ждать, пока

опасность настигнет их. Он должен был что-то сделать. Но в его голове, заполненной детскими страхами и неопределенностью, не было слов, чтобы выразить свои мысли.

«Настя, проснись! Нужно что-то делать!» – мысленно закричал он, смотря на её мирное лицо. Он хотел растолкать её, чтобы она поняла, что грозит им. Он чувствовал себя беспомощным, как будто его собственная жизнь, обращенная в тело собаки, была не более чем игрушкой в руках непредсказуемой судьбы.

Паша решительно вернулся к Насте и слегка толкнул её лапой. Она вскрикнула, мгновенно приоткрыв глаза.

– Барсик? Что случилось? – спросила она, сбитая с толку, и её взгляд стал настороженным.

– Нам нужно быть осторожными, – произнес он, хотя слова так и не вышли из его пасти. Он лишь знал, что тревога в его сердце должна быть передана ей.

Настя, увидев его встревоженный вид, быстро села, потирая глаза. – Ты что-то услышал?

Паша кивнул, включая в себя всю свою тревогу. Он знал, что не может всё объяснить, но её глаза, полные доверия, ободряли его. Он ждал её реакции, и в этот момент чувствовал, как страх за её безопасность охватывает его целиком.

– Лакеи говорят о какой-то угрозе, – произнесла Настя, когда поняла, что он хочет сказать. – Надо предупредить отца!

Паша почувствовал, как в его груди разгорается искра на-

дежды. Настя, несмотря на свой юный возраст, уже была готова действовать. Это было не просто желание помочь – это была её смелость, которая подсказала ей, как поступить.

Они оба встали, и Паша, стараясь не отставать, направился к двери. За пределами их маленькой комнаты царил тишина, но в воздухе витало что-то зловещее, как преддверие шторма. Он обернулся к Насте, и их взгляды встретились – в них была решимость и страх, но также и понимание, что они должны быть вместе, чтобы справиться с надвигающейся угрозой.

– Мы не одни, – уверенно произнесла Настя, словно отвечая на его молчаливый вопрос. – Мы справимся вместе.

И с этими словами они вышли в темный коридор, где каждый шаг сотрясал тишину, словно предвестник чего-то ужасного. Паша чувствовал, как его сердце бьется в унисон с её смелостью, и вместе они шли навстречу неизвестности, готовые противостоять тому, что ждало их в тени.

Утреннее солнце только начинало подниматься над горизонтом, заливая улицы Санкт-Петербурга мягким светом, как будто природа сама пыталась загладить тревожные предзнаменования. Паша и Настя вышли на улицу, и в воздухе витал тот особый дух, который только и мог заставить забыть о страхах и сомнениях. Паша, теперь в теле собаки, старался не думать о том, что его ждет в этом новом мире, и просто следовал за Настей, чувствуя, как из его груди постепенно уходит холод.

– Смотри, ты не один! Мы все вместе! – ободряюще произнесла Настя, щелкнув пальцами, когда они пересекли улицу, полную задумчивых прохожих. Она указывала на небольшую стайку уличных собак, которые, казалось, наслаждались утренней свободой. Паша почувствовал, как в его сердце зародилась искорка надежды.

Настя, полная энергии, начала подзывать к себе одну из собак. Она была милой и пушистой, с ушами, свисающими по бокам. Паша наблюдал, как Настя наклонилась и, протянув руку, ласково погладила ее.

– Это Луна, – сказала она, и свет в её глазах засиял, как будто они с собакой были старыми друзьями. – Не бойся, Паша, они не кусаются.

Паша, хотя и чувствовал себя не в своей тарелке, шагнул дальше, решив попробовать подружиться с этими существами, которые, казалось, были полны жизни и свободы. Он осторожно подошел к Луне, обнюхал её, и, к своему удивлению, нашел ее запах приятным – в нем не было ничего тревожного, только свежесть утреннего воздуха и легкая сладость от недавней прогулки по траве. Он не знал, как это объяснить, но в этот момент почувствовал, что может быть частью чего-то большего.

– Кто ты на самом деле, Барсик? – вдруг пронеслась в его голове мысль, как холодный ветер, прерывающий теплое утро. Вопрос о его настоящем «я» снова вернулся, и Паша не мог от него избавиться. Он пытался понять, кто он в этом

новом теле. Сколько времени пройдет, прежде чем он забудет о своей прежней жизни?

– Паша, смотри! – Настя потянула его за собой, когда одна из собак, более смелая, чем остальные, прыгнула к ним, обхватив Пашу лапами. Это было неожиданно, и он вздрогнул, но вскоре почувствовал, как страх начинает отступать. Собаки, казалось, были полны дружбы, и, ободренный Настей, он ответил на приветствие, виляя хвостом, как будто это было совершенно естественно.

– Ты видишь? Они принимают тебя! – радостно воскликнула Настя, и её улыбка растянулась на всё лицо. – Мы просто должны быть собой!

Паша не мог не улыбнуться в ответ, хотя внутренний конфликт продолжал терзать его. Он не мог забыть о своей прежней жизни – о друзьях, о школе, о том, как он мечтал стать пионером. Но что это всё значило сейчас, когда он стоял на краю новой реальности, среди собак, которые тоже искали тепло и понимание?

– Настя, – произнес он, и его голос звучал хрипло, как будто он еще не привык к тому, что говорит. – Я... я не знаю, смогу ли я когда-нибудь забыть о том, кто я был.

– Нам не нужно забывать, – ответила она, глядя ему в глаза с такой искренностью, что Паша почувствовал, как его сердце наполнилось теплом. – Важно помнить, что мы можем быть теми, кто мы есть сейчас. И ты – мой друг.

Паша вновь посмотрел на стайку собак, которые весело

играли друг с другом. Они были свободны от забот о прошлом и будущем, просто наслаждаясь моментом. И в этот миг он понял, что, возможно, эта новая жизнь открывает перед ним двери, о которых он даже не подозревал. Он мог быть не просто Барсыком, а чем-то большим – другом, защитником, существом, не знающим границ.

Свет утреннего солнца заливает улицы, и Паша, не осознавая этого, начинает делать шаги к своему новому «я».

Подвал дворца встретил их влажным дыханием древности. Плотные стены, обитые старым камнем, казались живыми, словно шептали о тайнах, которые хранили на протяжении веков. Настя включила фонарик, и его луч пронзил темноту, высвечивая пыльные уголки, полные паутины и мусора. В воздухе витал запах сырости и старинной бумаги, который заставлял сердце Паши биться быстрее. Он чувствовал, как в этом месте время остановилось, а жизнь, казалось, замерла в ожидании.

– Смотри! – Настя потянула его за собой, указывая на деревянный сундук, который выглядел так, будто мог обрушиться от одного лишь прикосновения. – Давай откроем!

Паша неохотно согласился, хотя в глубине души его радовало то, что они делали это вместе. Они приподняли крышку, и внутри обнаружили старые вещи – ржавые инструменты, пожелтевшие письма и, наконец, газету с треснувшими краями. Настя осторожно достала её, и Паша увидел заголовок: «Революция на пороге. Зачем нам эта борьба?»

– Почему это произошло? – спросила Настя, её голос дрожал от волнения. – Почему так жестоко?

Паша, ощутив, как его собственные воспоминания зашевелились в голове, лишь покачал головой. Он не знал, что ответить. Все эти идеалы, что преподавали в школе, казались ему теперь лишь иллюзией. В этой газете он видел живые свидетельства страха и отчаяния, людей, которые боролись за свои жизни, но в итоге теряли всё.

– Я не знаю, Настя, – произнес он, хотя его внутренний голос бушевал, пытаясь выразить ту невыносимую тяжесть, что давила на его грудь. – Но это часть истории.

Настя внимательно посмотрела на него, и в её глазах он увидел понимание. Её доброта и искренность словно обволакивали их, создавая невидимую связь между ними. Паша вспомнил свои мечты о пионерском будущем, о том, как хотел изменить мир. Но теперь, когда он видел эту газету, ему становилось ясно, что жизнь не так проста, как ему казалось.

– Ты думаешь, мы можем изменить что-то? – спросила она, исследуя его лицо взглядом, полным надежды.

Паша опустил глаза, погружаясь в свои мысли. Внутри него бушевала буря: страх, гнев, неопределенность. Он чувствовал, как его связь с прошлым становилась все более запутанной. Бороться за идеалы – это одно, а осознавать, что эти идеалы могут причинять боль – совсем другое.

– Я не знаю, – произнес он наконец, и его голос стал тихим, как будто он боялся, что даже звуки могут нарушить

эту хрупкую тишину. – Но я хочу понять.

Настя кивнула, не отрывая взгляда от старой газеты. Она перевернула её, и на обратной стороне были фотографии – лица людей, которые когда-то жили, мечтали и страдали. Каждый взгляд, каждая история казались ей живыми, как будто они могли говорить с ней из далекого времени.

– Может, мы сможем найти ответы здесь, – произнесла она, полная решимости. – Мы можем узнать больше о тех, кто жил до нас, о том, как они боролись.

Паша вздохнул, ощущая, как его сердце наполнилось тревогой и надеждой одновременно. В этом старом доме, полном тайн, он начал осознавать, что его собственная история переплетается с историей этих людей. Он не был просто Барсиком – он стал частью чего-то большего.

– Давай найдем больше, – сказал он, и его голос зазвучал с новой силой. – Давай узнаем, что произошло.

В этот момент, стоя среди старых вещей и забытых историй, Паша почувствовал, как его прошлое и будущее начинают соединяться. Он не знал, что ждет их впереди, но одно было ясно: он не одинок. У него была Настя, и вместе они могли открыть двери, о которых раньше даже не мечтали.

Свет пробивался сквозь листву, играя на влажной земле, где росли цветы, словно нежные крошки радости, распускающиеся в утреннем солнце. В воздухе витал тонкий аромат жасмина, смешиваясь с прохладой разгорающегося дня. Паша, превращённый в собаку, носился по саду, радостно пря-

чась за кустами, где Настя, смеясь, искала его, как будто он был самым ценным сокровищем. Их дружба расцветала, как и цветы вокруг.

– Барсик, Барсик! – весело позвала она, присаживаясь на мягкую траву, чтобы не упустить момент. Она прижимала к себе свернутую газету, словно это было что-то важное.

Паша, услышав её голос, выпрыгнул из-за куста, виляя хвостом, и с радостным лаем бросился к ней. Он чувствовал, как в груди разгорается нечто большее, чем просто дружба. Это была связь, которую он не мог объяснить – связь с этим миром, с Настей и даже с тем, кто за ними наблюдал.

Николай II стоял в тени грандиозного дуба, его взгляд остался прикованным к игре детей. Он улыбнулся, наблюдая за беззаботностью Паши, забывая на мгновение о своих заботах и ответственности. «Как же просто вы выглядите», – подумал он, ощущая, как это невинное время, проведенное в саду, позволяло ему ненадолго отвлечься от тяжести короны.

Император, уставший от политических интриг и предательства, шагнул ближе, и его голос, когда он заговорил, был мягким, как утренний ветер.

– Как вы проводите время, маленькие? – спросил он, опустившись на корточки, чтобы быть на одном уровне с Настей и Пашей.

Настя, не ожидавшая появления царя, чуть залилась краской, но быстро собрала мысли. – Мы ищем ответы, ваше величество! – произнесла она с искренностью, которая удивила

ла даже её. – Ответы о том, как жили люди до нас.

Паша, стоя рядом, почувствовал, как его сердце забилося быстрее. Он взглянул на царя, и на мгновение между ними возникло что-то общее – понимание, о котором он даже не смел мечтать.

– А ты, Барсик, что ты думаешь об этом мире? – Николай II, обращаясь к нему, немного наклонился, словно хотел заглянуть в его собачье сердце.

Паша знал, что не может ответить словами, но в его глазах читалось много. Он хотел сказать, что этот мир полон загадок, что в нем есть что-то прекрасное и страшное одновременно. Он зашевелил ушами, как будто пытался найти ответ в воздухе.

– Я... я пытаюсь понять, кто я, – произнес он едва слышно, будто боялся, что этот вопрос может разрушить хрупкое спокойствие. Внутренний конфликт терзал его: он был Барсиком, но также был Павлом, и обе эти сущности тянули его в разные стороны.

Царь, глядя на него, почувствовал, как его собственные сомнения отошли на второй план. Он вспомнил себя, когда был молод – полным надежд, но не знающим, какой путь выбрать. Взгляд Николая II стал более открытым, как будто он искал в Паше отражение своих собственных тревог.

– Иногда, чтобы понять, нужно просто быть. Просто жить, – тихо произнес он, как будто это был не совет, а убеждение, которое сам себе повторял.

Настя, прислушиваясь к их разговору, почувствовала, что на её плечи ложится больше, чем просто детская игра. Она не была просто дочерью лакея. Здесь, среди цветов и солнечного света, она начала осознавать свою силу, способную изменить ход событий.

– Давайте узнаем больше! – с воодушевлением произнесла она, вновь поднимая газету. – Мы можем исследовать это место, узнать о тех, кто пришел до нас и как они боролись за своё будущее.

Паша, слушая её, почувствовал, что его собственная борьба за понимание становится частью чего-то большего. Он не мог вернуться назад, но мог стать тем, кто изменит хотя бы что-то в этом мире.

Свет утреннего солнца стал ярче, и в этом саду, полном тишины и счастья, Паша осознал, что не одинок. У него была Настя, у него были надежды, и, возможно, даже сам император, который мог понять его. Вместе они могли открыть двери в будущее, о котором раньше только мечтали.

Ночь на Рождество окутала дворец таинственным волшебством. Большой зал, украшенный сверкающими гирляндами и живыми еловыми деревьями, напоминал сказочный мир, где свет свечей мягко отражался от позолоченных стен. Праздничные звуки – смех, мелодии рождественских песен, треск бубенчиков – создавали атмосферу радости и веселья. Но в сердце Паши, переполненном тревогой, всё это казалось лишь маской, скрывающей надвигающуюся бурю.

Он нервно пробежал по залу, его маленькие лапы скользили по гладкому мрамору. Паша не знал, как передать свои чувства Насте, которая с изумлением наблюдала за танцами и играми лакеев, но в её глазах он видел искренность и доверие.

– Что с тобой, Барсик? Ты ведёшь себя странно! – спросила она, наклонив голову вбок, её светлые волосы мягко колыхались, словно в ответ на его панику.

Паша виляя хвостом, издал низкий, настойчивый лай, который, казалось, был единственным способом выразить его волнение. Он метался между лакеями, пытаясь уловить запахи, которые могли бы натолкнуть его на мысль о том, что надвигается опасность. Словно в ответ на его беспокойство, в воздухе проскользнуло что-то зловещее – незримая тень, которую никто не замечал.

– Нужно уйти отсюда! – прошептал он про себя, но слова застряли в горле, и только его глаза, полные страха, блестели в свете свечей.

Настя, видя его беспокойство, начала терять уверенность. Она опустила руки, сжимавшие её платье, и подошла ближе к своему пушистому другу. – Паша, если что-то не так, скажи мне. Мы можем уйти, я не против, – произнесла она, и в её голосе звучали нотки решимости, которые заставили Пашу замереть.

Сердце Паши забилось быстрее. Он не мог позволить, чтобы её хрупкость подверглась опасности. Он подскочил, под-

бегая к двери, и обернулся, словно призывая её следовать за собой. Лакеи, весело переговаривающиеся и смеющиеся, не замечали, как всё вокруг начинало меняться.

Незаметно для всех, в тени, стоял Виктор – анархист, его холодные глаза скользили по залу, и в них, казалось, скопилась вся ненависть к этому миру, где радость была лишь маской для угнетения. Он знал, что его время пришло, и что за праздником кроется нечто большее – его опасные планы были готовы к реализации.

В этот момент Паша, почувствовав нарастающее напряжение, прокрался ближе к Насте, её невинность вызывала у него желание защитить её любой ценой. Он знал, что они должны уйти. Но как объяснить это девочке, которая лишь хотела веселиться?

– Настя, оставайся рядом со мной, – в его глазах читалась неподдельная тревога, и, хотя он не мог говорить, он надеялся, что она поймёт.

Настя, глядя на него, вдруг почувствовала, что её жизнь в этом дворце стала чем-то большим, чем просто служением. Она глубоко вздохнула, оглядываясь на танцующих лакеев, и её сердце наполнилось решимостью. – Давай, Барсик, я с тобой! – произнесла она, и в её голосе прозвучала смелость, которой она сама не осознавала.

Паша, почувствовав поддержку, бросился к выходу, настойчиво подзывая её за собой. Настя последовала за ним, и в этот момент, когда они покидали зал, их образы слились в

одно – два друга, готовых встать на защиту друг друга. Впереди их ждали неведомые опасности, но они были готовы противостоять им вместе, даже если это значит бросить вызов всему, что казалось незыблемым.

В этот момент они не просто уходили из зала праздников, они шагали навстречу своему будущему, полному вопросов и решений.

На улице перед дворцом царила странная атмосфера. Ночь на Рождество, казалось, должна была быть полна волшебства, но вместо этого воздух наполнялся тревожными шепотами. Густая тьма разрывалась от резких криков анархистов, собирающихся под высокими воротами, как стайка безумных воробьёв, готовых к атаке. Луна, едва пробивавшаяся сквозь облака, отражала холодные лучи на мраморных колоннах, придавая им зловещий вид.

Паша, обернувшись к Насте, почувствовал, как его сердце колотится, словно в нем сидел зайчонок, готовый к бегству. Он знал, что она не должна быть здесь, среди этой угрозы, но слова застряли у него в горле, как застрявшая кость. Он мог лишь настойчиво смотреть на неё, надеясь, что его тревога будет понята.

– Барсик, что ты делаешь? – с беспокойством в голосе спросила Настя, присев на корточки рядом с ним. Она обняла его, и в этот момент он ощутил тепло её маленькой руки на своей шершавой спине.

Нужно действовать. Паша знал это, как знал, что мир во-

круг него полон опасностей. Он вдруг осознал, что его роль теперь не только в том, чтобы выжить, но и в том, чтобы защищать. Защищать Настю, которую он так сильно любил, хоть и не мог выразить этого словами. Смещение инстинкта и решимости заполнили его, и он, вздохнув, рванулся прочь, направляясь к выходу.

– Я должен защитить тебя! – пронеслось в его мыслях, хотя он не мог произнести это вслух. Взгляд Насти, полный непонимания и нежности, только подстегивал его решимость.

Настя, почувствовав перемену в его настроении, встала, и, собравшись с духом, сказала: – Давай, Барсик, я с тобой! Её голос звучал уверенно, и в этот миг она превратилась из испуганной девочки в настоящую подругу, готовую к действию.

Они выбежали на улицу, и Паша, обернувшись, заметил, как группа анархистов, выглядывающая из-за угла, начала двигаться к воротам. Сердце его забило ещё быстрее. Он знал, что времени осталось совсем мало. Паша призвал Настю за собой, и они вбежали в тень, укрываясь от ярких фонарей дворца.

– Что мы будем делать? – спросила она, глядя на него с надеждой и страхом.

– Нам нужно найти Николая, – ответил Паша, собрав все силы, чтобы не выдать своего волнения. – Он должен знать об этом.

Пока они спешили по узким улочкам, Паша не мог избавиться от мысли: как же они оказались в таком странном месте? Он, советский пионер, и она, дочь лакея, в мире, который казался одновременно знакомым и чуждым. Но что-то внутри него менялось. Он понимал, что именно сейчас он может стать чем-то большим, чем просто жертва обстоятельств.

Мимо них пробегали лакеи, уставшие от праздника, и даже не замечали, как двое детей, один из которых был собакой, пробираются мимо. Паша и Настя слышали шум – громкие голоса анархистов, которые обсуждали детали своего плана, не подозревая, что их замысел уже на подходе к разоблачению.

– Мы должны быть осторожны. Если они поймут, что мы знаем о них, – шепнула Настя, и в её голосе послышалась решимость.

Паша кивнул, и они, укрываясь в тенях, направились к главному входу во дворец. Он чувствовал, как его роль меняется. Он больше не просто наблюдатель, он – защитник, готовый бороться за тех, кого любит. Впереди их ждали неведомые опасности, но они были готовы противостоять им вместе. И в этом единстве, в этой собачьей решимости, они нашли свою силу.

Главный зал дворца, где еще недавно царил атмосфера праздничного веселья, сейчас напоминал поле битвы. Огни рождественской елки, переливавшиеся золотыми и серебря-

ными огоньками, стали мрачными свидетелями хаоса. В воздухе витал запах горелого воска и паники, как будто само Рождество отвернулось от этого места, оставив лишь тени.

Паша, несмотря на свою собачью форму, чувствовал, как в его груди разгорается огонь. Он осознавал, что должен защищать Настю, её нежный взгляд полон страха. Анархисты, не знавшие пощады, рвались в зал, их крики и ругань звучали, как гремящие трубы войны.

– Это не твой мир, псина! – выкрикнул Виктор, главный анархист, его голос звучал резко и пронзительно, как нож, рассекающий тишину. Он шагал вперед, его глаза горели ненавистью, а в руках блестела пуля, готовая к действию.

Паша ощутил, как его сердце колотится в унисон с шумом, исходящим от нападающих. Он знал, что не может быть просто зрителем, что должен остановить эту волну разрушения. Он прыгнул вперед, вставая между Настей и Виктором, его шерсть вздыбилась, а зубы обнажились.

– Уйди, Паша! – воскликнула Настя, её голос пронзился в его сознание, но он не мог отступить. Он не был просто собакой; он был ее другом, её защитником.

– Но я не просто собака! – эти слова крутились в его голове, но они оставались невысказанными, как будто кто-то запретил ему произнести их вслух. Вместо этого он зарычал, готовый броситься в бой.

В этот момент Николай II, стоявший в тени колонн, наблюдал за происходящим. Он чувствовал, как его старые

идеалы рассыпаются на глазах, как песок сквозь пальцы. В этом хаосе он увидел нечто большее, чем просто борьбу за власть – он увидел преданность, настоящую человечность, за которую стоит бороться.

– Паша! – крикнул он, но его голос потерялся в громе. Он понимал, что его величие не в власти, а в том, что он может сделать для других, и сейчас он чувствовал, как это понимание пробуждает в нем старые чувства.

Настя шагнула ближе к Паше, её маленькое тело напоминало хрупкую свечу, горящую в бурю. – Мы не можем позволить им разрушить всё, – её голос был тихим, но в нем звучала решимость, которая удивляла даже её саму.

Паша обернулся к ней и увидел, как её глаза горят от страха и смелости. Он не знал, на что способен, но чувствовал, что должен это выяснить. Он медленно, но уверенно стал к ней ближе, словно бы становясь её щитом.

Виктор, увидев, как они стоят плечом к плечу, усмехнулся. – Два детских сердца, – произнес он с презрением. – Вам не победить!

Но в этот момент Паша ощутил внутри себя прилив силы. Он знал, что это не просто борьба с анархистами; это борьба за то, во что он верил, за дружбу, за то, что с каждым мгновением становилось ему дороже. Он вспомнил все те моменты, когда Настя поддерживала его, когда она смеялась и радовалась, когда он был просто мальчиком, а не существом, запертым в теле собаки.

– Не смей трогать её! – рычал Паша, готовясь к прыжку. В этой решимости он ощутил, как его сущность наполняется силой, которую невозможно было объяснить. Это была не физическая сила, а сила любви и преданности.

Анархисты начали наступать, но в эту тёмную ночь, когда казалось, что надежда угасает, в сердце Паши разгорелся огонь. Он был готов рисковать всем, чтобы защитить то, что стало для него важнее всего.

В этот момент он понял: настоящая сила кроется не в могуществе, а в человечности, в способности быть рядом, поддерживать и защищать. И он больше не собирался отступать.

Утро раздвинуло тьму, и первые лучи солнца пробилась сквозь трещины в оконных рамах дворца. Разрушения, оставленные после ночного нападения, казались особенно суровыми на фоне этого нового дня. Грязь, стекло и обломки мебели разлетелись по залам, когда-то полным торжественной музыки и смеха. Теперь же только тишина, нарушаемая потрескиванием веток и шорохом случайно упавших предметов, напоминала о том, что здесь когда-то царила жизнь.

Паша, по-прежнему находясь в теле собаки, стоял рядом с Настей, его верной подругой. Она прижала его к себе, словно искала в этом жесте утешение. Её маленькие руки обнимали его, и в этот момент Паша почувствовал, как её тепло сливается с его внутренним миром, полным смятения и надежды.

– Мы справимся, Паша. Вместе, – тихо произнесла Настя, её голос был полон решимости, даже несмотря на обстановку

вокруг.

Паша взглянул в её глаза и увидел там отражение своего собственного смятения. Он понимал, что это утро не станет простым. Разрушения, как и страх, были теперь частью их жизни. Но в то же время в нём росло что-то новое, что-то, что не позволяло ему отступить. Внутри него пробуждалось чувство, которое он не мог игнорировать. Он больше не боится быть тем, кто он есть.

– Я больше не боюсь быть тем, кто я есть, – произнес он внутренне, хотя не мог произнести ни звука. Но эта мысль, подобно зову, проносилась в его сознании, освобождая его от оков недоумения.

Настя, словно прочитав его мысли, улыбнулась и, оторвавшись от его объятий, потянула его за собой в зал, где когда-то проводились балы. Здесь, среди обломков, они начали свое маленькое дело. Они вдвоем поднимали и перетаскивали вещи, стараясь восстановить хоть часть того, что было разрушено.

– Смотри, – сказала Настя, указывая на старый стол, покрытый пылью и трещинами. – Мы можем использовать его. Сделаем из него новое!

Паша обрадовался её энтузиазму. Он чувствовал, как его сердце наполняется теплом. Работая вместе, они постепенно убирали мусор, создавая из хаоса маленькие островки порядка.

– Ты знаешь, Настя, – начал он, – я никогда не думал,

что буду так ценить простые вещи. Раньше мне казалось, что главное – это большие идеалы, мечты о будущем. Но сейчас... – он прижал свою голову к её руке, – сейчас важно то, что мы можем сделать вместе, даже если это всего лишь стол.

Настя остановилась и посмотрела на него с удивлением. В её глазах читалась та же мысль, которая осветила его сердце. – Да, Паша, это и есть наша сила. Мы можем создать что-то новое из того, что осталось.

В это мгновение в зал вошел Николай II, его фигура казалась величественной даже среди хаоса. Он остановился, глядя на двух детей, занятых восстановлением. В его глазах читалась печаль, но также и надежда.

– Вы делаете великое дело, дети, – произнес он с легким акцентом, в котором звучали все тяжести его статуса. – Вы не только восстанавливаете дворец, вы восстанавливаете то, что было потеряно. Надежду.

Паша поднял голову и встретил взгляд царя. Он чувствовал, как в нем что-то пробуждается, что-то важное и необходимое для этого мира. В этот момент он осознал: его превращение в собаку не стало концом, а открыло новую главу. Он нашел свою человечность не в внешнем облике, а в том, как он заботится о других и как они заботятся о нем.

– Мы будем работать вместе, Ваше Величество, – произнес он, хотя его голос звучал лишь в его голове. – Мы создадим новый мир, даже если он будет маленьким.

Николай II тихо кивнул, улыбнувшись. Он понимал, что в

этом мгновении, среди обломков и страха, зарождалась новая надежда. И, возможно, именно в этой надежде и заключалась сила, способная изменить не только их судьбы, но и судьбу всей страны.

Утренний свет пробивался сквозь разбитые окна заброшенной фабрики, освещая мрачные уголки, где когда-то кипела жизнь. Мох, словно зеленый ковер, укрывал бетонные полы, а воздух наполнялся запахом сырости и ржавчины. Паша, все еще в теле пса, сидел на краю старого цементного блока, наблюдая за группой уличных собак, которые резвились на открытом пространстве, зажатом между стенами. Их игривый лай раздавался хрипло, как будто каждый звук был взят из другого времени.

Он чувствовал себя чужим среди этих энергичных существ, их дикий азарт напоминал ему о давно утраченной свободе. Паша склонил голову, стараясь понять, как же ему примкнуть к ним. В его сердце завязывалась тяжесть, гнев и обида, когда один из собак, черный и угловатый, бросил на него презрительный взгляд.

– Ты всего лишь бродяга, не мешай нам! – прорычал он, и остальные собаки отступили, как будто у них был общий секрет, что этот новый пёс не достоин их внимания.

Паша опустил уши, чувствуя, как обида накатывает волной. Он хотел бы ответить, но вместо этого только заскулил, что вызвало насмешливые взгляды. Настя, стоявшая неподалеку, заметила его неуверенность. Ее добрые глаза, полные

поддержки, встретились с его, и в этот момент он почувствовал, как что-то внутри него начинает меняться.

– Не бойся, Паша! Ты сможешь! – крикнула она, подбегая ближе к нему. Ее голос звучал как бальзам на его раненую душу. Она была единственным светом в этом темном, заброшенном мире.

Подбодренный ее словами, Паша решил попробовать еще раз. Он встал, потянулся и сделал несколько шагов в сторону собак. Но они только отступили назад, отказываясь принять его в свою стаю. Внутри него разгоралась борьба: гнев против надежды. Как же он хотел, чтобы его приняли! Он ощущал себя не просто собакой, а существом, которое искало тепло и понимание.

– Эй, не уводите его, – произнес другой пес, чуть меньше ростом, с серой шерстью и острыми ушами. – Он может быть полезен.

Словно в ответ на его слова, Паша вдруг почувствовал, как в нем закипает решимость. Он резко подбежал к группе, и, не дождавшись, когда они его снова оттолкнут, начал играть. Он крутился вокруг, пытался ловить воображаемую добычу, выпрыгивал, как мог, изо всех сил, надеясь обратить на себя внимание.

Настя смотрела на него с замиранием сердца. Она понимала, что это было не просто желание играть, это был его способ заявить о себе, попытка доказать, что он не просто бродяга, а кто-то, кто способен на большее.

– Давай, Паша! – шептала она, сжимая в руках кусочек старой тряпки, которую принесла с собой, чтобы подбодрить его. – Ты справишься!

Паша вдруг увидел, как черный пес, который его оттолкнул, начал медленно приближаться. Он поджал уши, готовясь к возможному удару, но вместо этого получил легкий толчок в бок.

– Ладно, давай посмотрим, на что ты способен, – произнес он, и в его голосе было что-то вроде вызова.

Собаке нужно было лишь немного больше времени, чтобы принять его. Паша вдохнул, почувствовав, как гнев отступает, уступая место уверенности. Он бросился в игру, и вскоре его смех, если бы он мог смеяться, слился с лайом других собак. Они начали гоняться друг за другом, и на мгновение заброшенная фабрика наполнилась радостью.

Настя, радуясь за своего друга, обняла себя руками, как будто хотела заключить в своем объятии всю эту новую жизнь. Она смотрела на Пашу с гордостью, видя, как он, наконец, находит свое место среди них. В тот момент, когда он прыгнул, перепрыгнув через старую кучу мусора, она поняла: они оба меняются. Каждый мгновение, каждый шаг вперед – это не просто борьба за выживание, это путешествие к тому, чтобы стать теми, кем они на самом деле хотели быть.

И в этом заброшенном, но все же живом мире фабрики, среди мха и разбитых стекол, они оба начали обретать себя.

Паша, прячась под столом, ощущал, как его сердце коло-

тится от страха. Тяжелые ножки стола дрожали от его дыхания, а холодный пол казался ледяным. Он понимал, что сейчас – не время для игры. В воздухе витала напряженность, и он не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают.

– Мы должны быть готовы к взрыву на Рождество, – произнес один из лакеев, его голос пронзительно звучал в тишине. В этот момент Паша чуть не застонал – слова лакея словно пробили его сознание. Взрыв! Слово отозвалось в его голове, как удар колокола, заставляя его осознать всю серьезность ситуации.

– Черт, как все это страшно! – ответил второй лакей, его голос дрожал, и Паша почувствовал, как тревога накатывает на него волной. Что может произойти, если они не остановят это? Если он не остановит это?

Паша сжался, его шершавая шкура прилипла к холодному полу. Он не знал, что делать. Снаружи мир казался безмятежным, но здесь, в этом служебном помещении, словно сгущались тучи. Золотые картины на стенах, которые раньше казались ему чем-то волшебным, теперь напоминали о том, как хрупок этот мир. Каждый мазок краски, каждая деталь подчеркивали величие, которое вот-вот может рухнуть в пыль.

– Если они узнают, что мы знаем, нас просто уберут, – продолжал лакей 1, его голос звучал все более истерично. Паша, затаив дыхание, напряг уши, стараясь не упустить ни одной детали. Он понимал, что это не просто разговор – это

жизнь и смерть.

Внезапно он почувствовал легкое прикосновение к своей шерсти. Паша обернулся и увидел Настю, ее глаза были полны беспокойства. Она наклонилась, шепча:

– Паша, все будет хорошо. Я с тобой.

Как будто её слова могли развеять мрак, овладевающий его разумом. Он взглянул на нее и увидел, что она действительно верит в это. Её маленькие ручки тряслись, но в них была решимость, и это придавало ему сил.

– Что мы можем сделать? – прошептал Паша, его голос был полон страха, но также и решимости.

– Мы должны рассказать кому-то, – тихо предложила Настя, и в её голосе слышалась искренность. – Может быть, царю? Если кто-то сможет помочь, то это он.

К его удивлению, эта мысль наполнила Пашу надеждой. Николай II, хотя и окружённый красотой своего дворца, был человеком, который понимал боль и страдания. Но как добраться до него, когда вокруг столько врагов?

– Но как? – спросил он, чувствуя, как страх поднимается в груди, сжимая его горло.

– Мы должны быть осторожными, – Настя посмотрела на него с решимостью, её голос звучал как мелодия, которая собиралась расцвести. – Давай подождем, пока они уйдут. Потом мы сможем найти путь.

Паша кивнул, внимая её словам, и почувствовал, как его страх немного отступает. Неподалеку лакеи продолжали раз-

говор, их голоса звучали, как глухие удары молота, от которых трясутся стены. Он закрыл глаза, представляя себе, как они с Настей пробираются по коридорам дворца, как проходят мимо стражников, как находят царя.

В этот момент он осознал: даже если они не смогут остановить это, они должны попробовать. Они должны действовать. И как бы ни страшно было это делать, он знал, что не один.

Ночь окутала дворец густым покрывалом тишины, лишь ветер, словно заблудшая душа, выл на крыше, скользя по холодным камням. Звезды, как яркие точки на черном бархате, мерцали над головой, но Паша не мог насладиться их красотой. Его мысли были полны мрачных предчувствий, что на шаг приближали его к бездне.

Настя сидела рядом, обняв колени, а её лицо, освещенное красноватым светом факела из-за края крыши, было сосредоточено и серьезно. Она смотрела на звезды, но в её глазах отражалась не только их искристая красота. Паша чувствовал, как её присутствие наполняло его теплом, но это тепло не могло развеять тени, которые сжимали его сердце.

– Если мы будем вместе, ничего не страшно, – произнесла она, её голос был тихим, но уверенным, как будто она пыталась убедить не только его, но и саму себя.

Паша отвел взгляд от звёзд, и его мысли метались, как раненая птица. «Я должен быть сильным, не ради себя, а ради

неё», – прокручивал он в голове, но слова не находили выхода. Он не знал, как открыться, как объяснить ей, что внутри него бушует страх, что он не знает, как защитить её, когда сам оказался в ловушке собственного бездействия.

– Настя... – начал он, но слова застряли в горле. Как сказать ей о своих сомнениях, о той незащитности, что давила на него, словно камень? Он чувствовал, что зависел от неё, от её храбрости, как от последнего шанса.

Она повернулась к нему, её глаза были полны понимания. В этой безмолвной связи между ними он нашел немного утешения. Она могла быть просто девочкой, но в её взгляде было что-то большее – стремление к действию, к переменам.

– Мы не одни, – продолжала она, прижимая ладонь к его голове. – Если будем работать вместе, мы сможем всё изменить. Я верю, что можем.

Паша почувствовал, как его сердце наполнилось силой. Он кивнул, и в этот момент ветер унес с крыши одну из старых веток, заставив её заскрипеть, как предвестник грозы. Они были в опасности, и это знание давило на него, но Настя была рядом. Это придавало ему сил.

– Да, – наконец вымолвил он. – Но как? Как мы дойдём до царя, если вокруг столько стражей?

– Нам нужно дождаться, когда они уйдут. Я слышала, как лакеи говорили, что у них есть встреча в нижних залах. Если мы будем осторожны... – её голос звучал, как мелодия, которая собиралась расцвести, как цветок, пробивающийся

сквозь асфальт.

Паша закрыл глаза и представил, как они крадутся по коридорам, мимо стражников, как находят путь к царю. Эти образы наполняли его решимостью, но всё ещё оставляли место для страха. Он знал, что они играют с огнём, но другого выбора у них не было.

– Мы должны быть тихими, как тени, – произнес он, и в его голосе появилась нотка уверенности. – Как только мы выйдем отсюда, сможем найти безопасный путь.

Настя кивнула, её лицо озарилось улыбкой, и в этот момент Паша почувствовал, что, возможно, они действительно могут что-то изменить. Ночь всё ещё оставалась темной, но в её глубине начали пробиваться первые лучи надежды.

Утро только начинало расправлять свои крылья, когда Паша шагнул на кухню дворца. Солнце уже выглядывало из-за горизонта, заливая просторное помещение тёплым светом. Здесь царила атмосфера невероятной суеты: кухонные работники переговаривались, смеясь и подшучивая друг над другом, а аромат свежего хлеба и жареного мяса смешивался с запахом зелени и пряностей. Громкий треск кастрюль и шорох ножей на разделочных досках создавали симфонию, которая могла бы затмить любую оперу.

Паша почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Он знал, что сегодня его ждёт экзамен – не просто кулинарный, а испытание на прочность в этом новом мире. С одной стороны, он был пёсом, а с другой – всё ещё человеком. Его

разум метался между этими двумя состояниями, как птица, пытающаяся вырваться из клетки.

«Если я смогу найти своё место среди них, – думал он, – возможно, я смогу остаться».

– Эй, бродяга! – раздался голос поварихи Аграфены, которая, казалось, была сама собой, лишь с громким смехом и быстрой рукой. Она стояла за длинным столом, нарезаая овощи с такой ловкостью, что Паша невольно задержал дыхание. – Ты что, пришёл просто так? Или ты решил показать, на что способен?

Он отвёл взгляд, но тут же увидел, как одна из кухонных крыс, серая и наглая, промчалась мимо него, словно вызывая на дуэль. Паша инстинктивно рванулся вперёд, и в тот самый миг, когда крыса собиралась скрыться под столом, он ловко схватил её за хвост. Кухня замерла, а затем раздались крики удивления и восхищения.

– Не такой уж ты и бродяга, если делаешь такие трюки! – воскликнула Аграфена, обводя взглядом своих подчинённых, которые теперь смотрели на Пашу с уважением.

– Скорее всего, это собака с характером, – подхватил один из рабочих, улыбаясь и потирая ладони. – Давайте его оставим! С таким умением он нам точно пригодится.

Паша почувствовал, как внутри него разгорелась радость. Признание, пусть и от простых кухонных работников, согрело его душу, как солнечный луч в холодный день. Но в глубине его сердца продолжала таиться тень страха – что если

его истинная природа когда-нибудь откроется? Что если они увидят в нём не просто преданного пса, а человека, который когда-то мечтал о другом?

Аграфена сделала шаг к нему, и в её глазах отражалась искра интереса. – Ну что, бродяга, ты готов попробовать свои силы? Есть у нас тут пара блюд, которые требуют настоящего мастерства.

Паша кивнул, и его страх немного ослабел. Он понимал, что это шанс проявить себя. Словно подхваченный волной, он быстро начал выполнять указания Аграфены: нарезал овощи, смешивал ингредиенты, ловко работая лапами. Кухня наполнилась смехом и добрыми подшучиваниями, а он, казалось, растворился в этом мире, где все были заняты своим делом.

– Смотри, смотри! – закричал один из работников, показывая на Пашу. – Он уже почти как человек!

Паша вспомнил о Насте и о том, как она верила в него. Он чувствовал, что сейчас, в этом моменте, они все были одной командой, и это придавало ему сил. Его внутренний конфликт остался где-то на заднем плане, когда он сосредоточился на работе.

– А ты, похоже, не так уж и безнадежен, – произнесла Аграфена, когда он закончил готовить блюдо, и его сердце наполнилось гордостью. – Скажи, как тебя зовут?

– Паша, – ответил он, осознавая, что это имя стало для него не просто звуком, а частью новой жизни.

Аграфена кивнула, и в её взгляде Паша увидел одобрение, которое было для него важнее любых слов. В этот момент он понял, что, возможно, нашёл своё место среди людей и собак, и это место было не в прошлом, а здесь, в этом шумном и ярком настоящем. И хотя страх всё ещё сидел в его сознании, он был готов с ним бороться.

Паша покинул кухню, всё ещё ощущая, как тепло от недавно приготовленного блюда окутывает его. Запахи жареного мяса и свежих овощей смешивались с тяжёлым ароматом сырости, проникающим из подвала, куда он, словно магнитом, и потянуло. Там, среди неприметных коробок и старых бочонков, он надеялся найти что-то, что могло бы изменить его судьбу.

Спускаясь по скрипучей лестнице, он чувствовал, как его сердце колотится в такт с шагами. Свет из единственного окна в углу не мог осветить весь подвал, и Паша чуть прищурился, пытаясь разглядеть что-то необычное в полумраке. Стены были сырыми, покрытыми грибком, а пол – влажным и неровным. Он обошёл несколько коробок, прежде чем его взгляд наткнулся на что-то, блестящее среди пыли и паутины.

Это был клочок бумаги, слегка помятый и пожелтевший от времени. Паша наклонился и осторожно поднял его, чувствуя, как в груди загорается искра надежды. На бумаге была изображена карта дворца, с кривыми линиями, указывающими на разные помещения. Он не мог поверить своим гла-

зам.

– Это может быть ключом к спасению! – прошептал он, осозная, что, возможно, именно эта карта даст ему возможность вырваться из привычной рутины и изменить ход событий.

– Что ты нашел, щенок? – раздался знакомый голос Аграфены, и он вздрогнул, резко повернувшись к ней. Она стояла в дверях, с руками на боках и с выражением, которое колебалось между недоверием и любопытством.

– Я... – начал было Паша, но потом замялся, не зная, как объяснить, что это за бумажка и почему она так важна для него. – Это карта дворца.

Аграфена шагнула ближе, прищурившись, чтобы лучше рассмотреть найденное. Её лицо вдруг изменилось: в глазах заиграла искорка интереса.

– Ты, похоже, снова попал в какую-то заварушку, – произнесла она, беря карту в свои руки. – Но ты не один, щенок. Главное – знать, что делать дальше.

Паша немного растерялся. Внутренний конфликт снова всплыл: он всю жизнь мечтал о справедливости, о том, чтобы помочь людям, и вот теперь у него была возможность изменить что-то в этом мире, но как? Он вспомнил о Насте и о том, как она всегда поддерживала его, верила в него даже в самые трудные моменты.

– Я хочу показать это Насте, – произнес он, и его голос звучал решительно. – Возможно, она сможет помочь мне разо-

браться.

Аграфена кивнула, и Паша почувствовал, как неуверенность постепенно уходит. Он представил, как Настя, с её добрым сердцем и смелостью, может понять, что делать дальше. Эта мысль придавала ему уверенности. Он собрался с мыслями и, не дожидаясь ответа поварихи, рванулся к выходу.

– Эй, подожди! – крикнула она, но он уже был на пути вверх по лестнице, сердце колотилось от волнения и надежды.

Выйдя на свет, он увидел, как солнечные лучи пробиваются сквозь окна, наполняя дворец теплом и жизнью. Паша знал, что его путь только начинается, и с каждым новым шагом он всё больше ощущал, что может влиять на свою судьбу. Теперь он не был просто пёсом, потерянным в чужом мире; он был Пашей, и у него было дело, которое требовало его участия, и, возможно, именно он был тем, кто сможет изменить всё.

Внутренний двор дворца был окутан вечерним светом, мягким и теплым, словно кто-то незримо окутал пространство золотистой вуалью. Фонари, вбитые в колонны, своего рода стражи этой тишины, мерцали, отражая вечерние тени на гладком каменном полу. Слышались шёпоты горничных и лакеев, которые спешили завершить свои дела перед тем, как вечер углубится в ночную тишину.

Паша и Настя, усевшись на ступеньках, играли в прятки, и смех девочки раздавался в воздухе, как радостная мело-

дия. Мягкий ветерок шевелил её волосы, и она, смеясь, пряталась за колонной, словно искала укрытие от невидимого врага. Паша, в теле пса, был полон энергии, его хвост весело подрагивал, когда он пытался отыскать подругу, но в этот момент его внимание отвлекло нечто большее.

Из-за угла, в окружении нескольких лакеев, появился Николай II. Его фигура, несмотря на величие, выглядела усталой, а выражение лица отражало не только бремя власти, но и некоторую грусть. Паша замер на месте, его сердце забило быстрее. Он знал, что этот человек – не просто монарх, а ключ к тому, чтобы изменить судьбу.

– Этот пес не обычный, ты это чувствовала? – произнес царь, глядя на Пашу с удивлением, но без страха. В его голосе звучала нотка интереса, как будто он углядел что-то, что ускользало от остальных.

Настя, выбежав из своего укрытия, с недоумением посмотрела на царя, а затем на Пашу. Её глаза искрились от волнения и страха.

– Я уверена, он умный, Ваше Величество, – произнесла она с детской наивностью, но с искренностью, которая могла бы растопить ледяное сердце.

Паша, почувствовав поддержку Насти, сделал шаг вперёд, но его неуверенность вновь накрыла, как тяжелое одеяло. Он понимал, что должен сказать что-то важное, но слова, словно капли дождя, ускользали от него. Внутри него бушевала буря мыслей: как донести до царя свою миссию? Как объяснить,

что он пришёл из будущего?

– Ваше Величество! – наконец вырвалось из его пасти, и он почувствовал, как все взгляды устремились на него.

Николай II наклонил голову, его глаза встретились с глазами Паши, и в этот момент между ними возникло нечто большее, чем просто разделяющая их пропасть времени. Это было понимание.

– Ты хочешь что-то сказать? – спросил царь, его голос стал мягче, словно он понимал, что перед ним стоит не просто животное, а нечто большее.

Паша почувствовал, как его сердце наполнилось решимостью. Этот момент был важнее, чем он мог себе представить. Он знал, что должен действовать, но как? Он вспомнил о Насте, её доброте и смелости. Она всегда поддерживала его, даже когда он сам не верил в себя.

– Настя, – произнес он, обращившись к девочке, – может, ты знаешь, как это объяснить?

Настя, осознав всю серьёзность момента, сделала шаг к царю. Её маленькая фигурка выглядела хрупкой на фоне величественного присутствия Николая II, но в её глазах горел огонёк уверенности.

– Паша... он пришёл из будущего. Он знает, что произойдёт, и он хочет помочь, – произнесла она, подбирая слова, словно собирая их из кусочков пазла, которые только что рассыпались.

Николай II посмотрел на Пашу, и в его взгляде пробежала

искорка понимания.

– Будущее, говоришь? – тихо спросил он, его голос стал более задумчивым. – И что же ты знаешь о нём?

Паша почувствовал, как его сердце колотится от волнения. Этот вопрос был ключом, открывающим двери к изменению, к возможности изменить не только свою судьбу, но и судьбу всей страны.

– Я... я знаю, что будет война, – произнес он, стараясь говорить уверенно. – И много людей пострадает. Но если мы что-то изменим сейчас, возможно, этого можно избежать.

Николай II задумался, его лицо стало серьезным. Внутренний двор, наполненный светом и звуками, словно притих, ожидая ответа. В этот момент Паша осознал, что они с Настей стоят на пороге чего-то важного, и, возможно, именно их смелость и решимость смогут изменить ход истории.

Кухня во дворце была переполнена светом и ароматами, которые кружили в воздухе, словно невидимые танцоры. В полумраке, заливаемом мягким светом от тусклых ламп, работники весело переговаривались, смеясь и подбадривая друг друга. Уголки комнаты заполнили остатки пиршества – крошки хлеба, остатки варенья и несколько неприглядных, но душевных порций холодца.

Паша, прижавшись к одному из столов, наблюдал за тем, как рабочие, смеясь, угощают друг друга. Их смех был заразительным, и, хотя он сам был не в своей тарелке, его сердце таяло от этой дружеской атмосферы. Он чувствовал себя ча-

стью чего-то большего, чем просто собака в чужом теле. Но в то же время его мысли уводили в далёкие миры, напоминая о том, что он не принадлежит этому месту.

– Паша, ты нашел бы себе братьев среди нас! – весело крикнул один из поваров, подмигнув ему и бросив в его сторону кусочек пирога.

Паша поймал его, но не смог сдержать усмешки. "Странно, как я могу быть частью этого мира?" – проскользнула мысль в его голове. Он лизнул пирог, и на мгновение забыл о своих тревогах. Вкус сладкого теста мгновенно перенёс его в детство, в те дни, когда он ещё не знал о тяжести жизни, о том, что такое одиночество.

Аграфена, добрая и улыбчивая женщина, стояла у плиты, помешивая что-то в большой кастрюле. Она обернулась к Паше, её глаза светились от радости.

– Пашенька, не стой в стороне! Присоединяйся к нам! У нас тут всякие вкусняшки, – сказала она, подмигнув.

Смех и радость наполняли кухню, и Паша, ощущая тепло этих простых людей, вдруг осознал, что может сделать что-то доброе для своих новых друзей. Он потянулся к оставшимся крошкам и, найдя подходящий кусочек для угощения, начал собирать их в маленький холщовый мешочек.

– Зачем тебе это? – спросил другой рабочий, засмеявшись. – Ты же не собираешься на завтрак в Париж?

– Не совсем, – ответил Паша, – просто думаю, что нам стоит добавить немного разнообразия в наши угощения. Пускай

каждый попробует что-то новое.

Каждый его слова, хотя и звучали неуклюже из собачьего рта, вызывали одобрительные взгляды. Рабочие продолжали смеяться и подбадривают его. Паша чувствовал, как его внутренний конфликт – желание вернуться к прежней жизни и осознание того, что здесь он тоже нужен – немного ослабел.

Когда он закончил собирать крошки, он подошёл к столу, где сидели его новые друзья, и выложил угощение. Рабочие переглянулись, и их лица наполнились искренним удивлением.

– Ну ты и молодец, Паша! – воскликнул один из поваров, беря крошку и поднося её ко рту. – Скажи, как ты это сделал?

– Просто... захотел, чтобы у нас был праздник, – ответил он, не догадываясь, что именно в этот момент он делал шаг к своему собственному принятию.

Внутри него всё ещё бушевали противоречия. Эта дружба, это единство были для него так важны, но где-то в глубине души он знал, что его истинная суть – это не просто собака, а тот, кто может изменить ход истории.

– Паша, – произнес кто-то из рабочих, – ты лучше всех нас понимаешь, что такое настоящая дружба.

Слова резонировали в его сознании, и он почувствовал, как его сердце наполнилось теплом. Возможно, он действительно мог стать частью этого мира, даже если его форма была иной. Он улыбнулся, и это была улыбка, полная надежды.

Утро в комнате для гостей, где стены были обиты глубоки-

ми бордовыми коврами, а на полках красовались старинные картины, запечатлевшие мгновения вечности. Легкий запах свежезаваренного чая витал в воздухе, создавая ощущение уюта, в то время как Паша стоял, затаив дыхание, перед Николаем II. Царь, облаченный в строгий, но изящный мундир, внимательно изучал его, как будто пытаясь разглядеть в глазах собаки какой-то глубокий смысл.

Паша ощутил, как его сердце колотится в груди. Это был момент, когда все слова, которые он хотел произнести, внезапно растворились в воздухе. Он открыл пасть, но вместо ясного и уверенного голоса вырвался лишь неуклюжий лай. «Почему я не могу говорить?» – думал он, отчаяние накатывало, как волны на берег.

– Что ты хочешь мне сказать, друг? – произнес Николай, прищурившись, словно стараясь уловить смысл в том, что было сказано. Его голос звучал мягко, но с лёгким налётом усталости, что делало его еще более человечным.

– Он понимает, Ваша Высочество! – поспешно добавила Настя, стоя в углу комнаты. Её голос, хотя и дрожал от волнения, не оставлял сомнений. Она смотрела на Пашу с надеждой, и это придавало ему немного уверенности.

Но как донести свои мысли, когда у него не было ни слов, ни человеческого облика? Паша почувствовал, как его внутренний мир распадается, как смятение, смешанное с страхом, охватывает его. Он понимал, что это не просто встреча, а возможность изменить что-то важное, возможно, даже

судьбу. Но как он мог это сделать, если его голос оставался лишь лаем?

Он шагнул ближе к царю, его маленькие собачьи лапы тихо цокали по паркету. Паша смотрел в глаза Николая, пытаясь передать всю ту горечь и надежду, что переполняли его. Взгляд царя был полон любопытства и понимания. Он, казалось, чувствовал, что за этой беззащитной внешностью скрывается нечто большее.

– Ты не просто собака, – произнес Николай, и в его голосе послышались нотки нежности. – Ты – нечто большее. Я вижу в тебе нечто человеческое.

Эти слова принесли Паше облегчение, но в то же время он чувствовал, как в его груди закручивается комок. Он отчаянно хотел объяснить царю, что он не просто безмолвный свидетель, а тот, кто может помочь. Он подошел ближе, обернулся, словно искал поддержку у Насти. Девочка, хоть и боялась, но чувствовала эту необычную связь, и её глаза светились верой.

Паша вдруг вспомнил о своих друзьях, о тех, кто поддерживал его. «Сила в единстве», – мелькнула мысль. Он сконцентрировался, откинул назад уши и, собравшись с силами, издал звук, который был больше похож на рык, чем на лай. Это было нечто, что могло бы напоминать крик души, полное отчаяния и надежды.

Николай наклонился ближе, его лицо стало серьезным, а в глазах замерло внимание.

– Ты хочешь сказать, что твоя история важна? Что мы должны делать что-то, чтобы изменить будущее? – спросил он, и в его голосе звучала искренность.

Настя, чувствуя, что момент критически важен, подошла ближе к Паше и положила руку на его спину. Это простое движение придало ему уверенности. Паша снова посмотрел на царя, и в этот миг понял, что даже в его собачьей форме он может что-то предпринять. Он не мог говорить, но он мог действовать. Он мог показать, что значит быть настоящим другом, и что человечность не зависит от формы.

Паша издал еще один звук, на этот раз более уверенный, полный решимости. Он знал, что это не конец, а лишь начало их совместного пути. И, когда он посмотрел в глаза Николая, то увидел там не только царя, но и человека, который тоже искал ответы. В этот момент, в тишине комнаты, они оба поняли: перемены возможны, если есть желание и вера в лучшее.

Подвал дворца был пронизан мрачной атмосферой. Влажные стены, покрытые плесенью, казались живыми, словно шептали о тайнах, которые они хранили на протяжении веков. Паша, завернувшись в тень, чувствовал, как холодный воздух проникает в его кожу. Он прижимался к старой каменной стене, его сердце билось в унисон с приглушенными голосами, доносившимися из глубины подвала.

– Мы сделаем это, и тогда все изменится! – раздался уверенный голос Виктора, и Паша невольно напрягся. Этот го-

лос, полон энергии и ненависти, вызывал в нем не только страх, но и чувство близости к тому, что он когда-то знал.

Паша прижал уши, стараясь уловить каждое слово. Он вспомнил, как когда-то верил в идеалы, в справедливость и равенство. Но сейчас, подслушивая разговор анархистов, он чувствовал, что этот мир полон неразрешимых противоречий, и его собственные надежды распались на куски.

– Но как? Мы не готовы! – произнес другой анархист, его голос дрожал от волнения. – У нас нет людей, у нас нет оружия!

– Мы не нуждаемся в армии, – уверенно произнес Виктор. – У нас есть идея, и это самое главное. Люди сами придут к нам, когда увидят, что мы готовы действовать. Мы должны показать им, что их страх – это лишь иллюзия, что они могут быть свободны!

Паша закрыл глаза, представляя, как этот план может обернуться для простых людей. Он не знал, какое насилие может скрываться за этими словами, но инстинктивно чувствовал, что это приведет к беде. Он вспомнил о Насте, о том, как она боится темноты, о том, как она училась быть смелой рядом с ним. Он не мог позволить, чтобы ее мир разрушили.

– Виктор, ты же понимаешь, что это все приведет к хаосу? – вмешался третий анархист, его голос был полон сомнений. – Мы не можем просто громить все вокруг!

– А что ты предлагаешь? – резко ответил Виктор, его сло-

ва звучали как упрек. – Сидеть сложа руки, ждать, пока кто-то другой решит за нас? Мы должны взять свою судьбу в свои руки.

Паша ощутил, как его собственные мысли метались в голове, как в бурю. Он понимал, что стоит на распутье – остаться в тени и наблюдать, или же выйти на свет и попытаться остановить это безумие.

Он медленно выскользнул из своего укрытия, его сердце колотилось, а лапы едва держали его на месте. В темноте подвала он выглядел лишь тенью, но в его глазах горела решимость. Он не мог позволить, чтобы идеалы, которые когда-то были ему близки, превратились в насилие и разрушение.

– Паша! – раздался тихий шепот, и он повернулся. Настя, подкрадываясь к нему, смотрела с тревогой в глазах. – Что ты здесь делаешь?

Паша наклонил голову, пытаясь передать ей свою решимость. Он знал, что вместе они могут сделать что-то важное. Настя, почувствовав его настроение, крепко сжала его шерсть, словно искала утешение в его присутствии.

– Мы должны остановить их, – произнесла она, и ее голос звучал так уверенно, что Паша захотел встать на защиту ее слов.

В этот момент подвал наполнился эхом их решимости, и Паша понял, что нет другого выбора. Он должен был действовать. Взглядом подбодрив Настю, он с готовностью шагнул вперед, готовый противостоять страху и непониманию,

которое витало в воздухе.

Виктор и его соратники продолжали обсуждать свой план, не подозревая о том, что на самом деле их поджидает опасность, о которой они даже не догадывались. Паша и Настя, как две маленькие искры в этом мрачном месте, были готовы сделать все, чтобы защитить тех, кого любили.

Внутренний двор дворца окутан утренним туманом, который, словно пелена, прячет от глаз суету и хаос. Крики, стоны и резкие команды охраны разрывают спокойствие утра. Паша с Настей стоят у края подвала, их сердца бьются в унисон, и на мгновение кажется, что время остановилось. Вокруг них царит ощущение предстоящей катастрофы – воздух наполняется запахом пота и страха.

Паша, с его новым, собачьим телом, ощущает каждую жилку и нерв на пределе. Он понимает, что должен выбрать сторону. С одной стороны – охрана, призванная защищать дворец, с другой – анархисты, которые, как он чувствует, нацелены на разрушение. Но в этом хаосе он видит лишь одно: угроза для Насти и других невинных людей. Это осознание проникает в его сознание, как солнечный луч, пробивающийся сквозь утренний туман.

– Паша! – снова шепчет Настя, её голос дрожит от страха. Она крепко сжимает его шерсть, и он чувствует, как её тепло передает ему частичку надежды. – Что ты делаешь? Мы должны быть осторожны!

– Я должен защитить их! – резонирует в его мыслях. Сло-

ва рвутся из глубины его существа, и он чувствует, как его внутренняя борьба находит выход. Он не может оставаться в стороне, когда на кону жизнь тех, кто ему дорог.

Паша делает шаг вперед, его лапы уверенно касаются холодного камня внутреннего двора. Он оборачивается к Насте, и в их взглядах есть что-то большее, чем просто страх – это понимание, что они не одни.

– Паша! – её голос звучит теперь более уверенно. – Если мы не остановим их, кто защитит остальных? Я не хочу, чтобы они пострадали!

Он кидает взгляд на толпу анархистов, по ту сторону дворца. Их лица искажены яростью и ненавистью, но среди них он замечает Виктора. Тот стоит в центре, с высоко поднятой головой, как будто все вокруг него – лишь пешки в его игре. Паша помнит его глаза, полные идеализма, когда они впервые встретились. Но сейчас эти глаза излучают лишь безумие.

В этот момент Паша решает. Он не может позволить идеалам, которые когда-то его вдохновляли, быть извращёнными до такой степени. Он чувствует, как его сердце наполняется решимостью, и, не дожидаясь, пока Настя скажет что-то ещё, он делает шаг в сторону дворца.

– Нет! – восклицает Настя, но он уже знает, что не может отступить. Его лапы несут его вперед, и он чувствует, как страх покидает его. Вместо него приходит уверенность – это его момент, его выбор.

Когда они выходят на свет, крики становятся ещё громче. Паша видит, как охрана выстраивается в линию, готовясь к атаке. Он смотрит в их глаза – это уже не просто люди, это защитники, готовые отдать свои жизни за идеалы, возможно, не всегда правильные, но всё же за что-то.

– Эй! – кричит он, и его собачий голос звучит неожиданно громко. Его слова, конечно, не могут быть понятны, но в них есть некое обращение, призыв к человечности. Настя идёт рядом, и её присутствие добавляет ему сил. – Стойте!

Охранник, который стоит ближе всех, останавливается и переводит взгляд на Пашу, недоумевая. В этой секунде Паша понимает, что его выбор не только за него, но и за тех, кто вокруг. Он должен быть голосом для тех, кто не может говорить.

– Вы не должны сражаться! – издает он, словно заполняя пространство между ними, словно наполняя атмосферу призывом к прекращению насилия. – Мы можем найти другой путь!

Настя, почувствовав его решимость, присоединяется к его призыву, и её голос, хоть и тихий, звучит как мелодия, проникающая в сердца окружающих. Внутренний двор, который только что кипел ненавистью, вдруг замер, словно все присутствующие вдруг почувствовали, что между ними есть что-то большее, чем просто конфликты и идеалы.

В этот миг Паша осознаёт: он не просто собака, он – символ. Символ человечности и надежды, который может объ-

единить тех, кто готов сражаться за что-то большее, чем просто победа.

Внутренний двор дворца, когда-то величественный, теперь напоминал поле битвы, где стремление к власти и идеалам обернулось разрушением. Вечерний свет, едва пробивавшийся сквозь облака, отбрасывал длинные тени, а ветер, словно скорбный дух, шептал о потерях. Паша и Настя сидели на холодных камнях, окруженные обломками. Их взгляды блуждали по искореженному пространству, где когда-то царила роскошь. Теперь здесь не было ни звуков, ни радости – только тишина, которая давила, как тяжёлое покрывало.

– Что теперь будет, Паша? – тихо спросила Настя, её голос дрожал, как лист на ветру. Она смотрела на него с надеждой, но в её глазах читался страх, который не удавалось скрыть.

Паша, сжимая лапы, не знал, что ответить. Внутри него разгорались противоречивые чувства. Каждый момент, проведённый в этом мире, становился всё более значимым, но и более пугающим. Он чувствовал, как последствия его действий, его выборов, нарастают как волны перед штормом.

– Я не знаю, – выдохнул он, стараясь придать своему голосу уверенность. В его сознании звучали обрывки мыслей, которые не давали покоя. *Мы должны быть вместе...* Он обернулся к Насте, и хотя не мог выразить это словами, в его взгляде читалась решимость. – Но мы не одни. Мы можем... мы должны что-то сделать.

Настя поджала губы, её руки дрожали, но она не отводи-

ла взгляда. Взгляд маленькой девочки, в котором, казалось, отражались все страдания этого мира, и в то же время – искорка надежды. Паша попытался успокоить её, коснувшись её ноги, как бы стараясь передать тепло, которое сам испытывал.

Картинка разрушенного двора, обломков, разбросанных повсюду, была столь же реальной, как и их чувства. Паша думал о том, что этот мир был не просто набором событий – это была жизнь, полная людей, со своими надеждами и страхами. Он вспомнил о Николае II, о том, как тот, казалось, понимал его, как будто между ними возникла невидимая нить, связывающая их судьбы.

– Паша, – произнесла Настя, и в её голосе прозвучала новая нота, уверенность, которую она сама не осознавала. – Если мы не попробуем что-то сделать, кто тогда сделает?

Паша кивнул. Он понимал, что Настя не просто подруга, она стала его опорой. Вместе они могли бы создать нечто большее, чем просто мечты о возвращении домой. Это был шанс изменить не только свою судьбу, но и судьбы тех, кто сейчас нуждался в помощи.

В этот момент, когда тишина вокруг них становилась почти осязаемой, они увидели, как из дверей дворца вышел Николай II. Его фигура была обремененной, но взгляд – полон решимости. Он остановился на краю двора, как будто искал ответ на свой внутренний вопрос, и его глаза встретились с Пашиными.

– Важно, чтобы мы не потеряли человечность, – произнес царь, и его голос звучал тихо, но уверенно, как эхо в пустом пространстве. – Мы должны помнить, кто мы есть, даже среди хаоса.

Паша, наконец, почувствовал, что его место здесь, среди этих людей, которые, как и он, искали смысл. Он поднял голову, его собачье сердце наполнилось смелостью. Они могли найти другой путь – возможно, даже объединить людей, которые раньше были врагами.

– Мы можем попробовать, – произнес он, и в его голосе звучала уверенность, которая удивила даже его самого. – Мы можем начать с малого, с того, чтобы показывать, что есть другой путь.

Настя, подхватив его настроение, кивнула, и её голос стал громче, звуча как призыв.

– Мы должны помнить о людях, о том, что нас объединяет, а не разъединяет!

И в этот момент, когда слова, полные надежды, разносились по разрушенному двору, Паша и Настя поняли: даже в самые тёмные времена можно найти свет, если есть, с кем его разделить.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, заливая дворец яркими, тёплыми лучами. В саду, окружённом высокими белоснежными стенами и изящными колоннами, распустились цветы, словно радостные флаги, приветствующие новый день. Паша, теперь уже не просто мальчик, а со-

бака с человеческим сердцем, медленно бродил по дорожкам, усеянным мелкими камнями и бархатными лепестками. Он чувствовал, как тепло солнечных лучей проникает в его шерсть, придавая ему сил.

Настя, за ним, с восторгом разглядывала цветы. Её глаза светились, когда она наклонялась, чтобы коснуться лепестков, словно они были самыми дорогими подарками.

– Посмотри, Паша, – она показала на куст с ярко-красными розами. – Они такие красивые! Мне всегда казалось, что красный – это цвет любви и надежды.

Паша посмотрел на неё, и в его глазах отразилось что-то большее, чем просто собачья преданность. Он понимал, что с каждым днём его связь с этим местом становилась всё крепче.

– Да, Настя, – произнёс он, хотя его слова были лишь тихим воем. – Надежда... Это именно то, что нам сейчас нужно.

Они продолжили прогулку, и вскоре их пути пересеклись с Николаем II, который, казалось, появился из ниоткуда. Его фигура, окутанная утренним светом, выглядела одновременно величественно и уязвимо. Царь остановился, как будто ожидал, что его присутствие станет сигналом к чему-то важному.

– Теперь время идти вперёд, несмотря на все трудности, – произнёс он с задумчивым выражением лица, его голос звучал, как будто он говорил не только с ними, но и с самим

собой.

Паша почувствовал, как от этих слов по спине пробежал холодок. Внутри него всё ещё боролись воспоминания о прошлом, о том, как он хотел вернуться, о том, как всё было устроено по-другому. Но вдруг он осознал: это не тот путь, который он может выбрать.

Настя, сжимая в руках маленький букетик полевых цветов, отозвалась:

– Мы сможем всё преодолеть, если будем вместе.

Её голос был наполнен искренней верой, и Паша заметил, как царь, услышав эти слова, немного расслабил плечи. Взгляд Николая II стал более мягким, словно он увидел в детских глазах ту искорку надежды, которую давно потерял.

– Да, – поддержал он, обратившись к ним обоим. – Мы должны помнить, кто мы есть, даже среди хаоса.

Паша вдруг ощутил, как его сердце забилось быстрее. Человечность, о которой говорил царь, – это не что иное, как основа, которая связала бы их всех, независимо от времени и положения. Он понимал, что его место здесь, что он не должен просто наблюдать, а действовать.

– Мы можем попробовать, – произнёс он, его голос звучал с такой решимостью, что даже ему самому стало удивительно. – Начнём с малого.

Настя кивнула, и её голос стал уверенным, как никогда прежде.

– Мы должны помнить о людях, о том, что нас объединяет,

а не разъединяет!

Слова Насти, полные надежды, разносились по саду, где цветы, казалось, внимали каждому звуку. Паша, Настя и Николай II стояли вместе, и в этот момент, среди всего этого великолепия природа и человеческое тепло слились в единое целое.

Каждый из них понимал – даже в самые тёмные времена можно найти свет, если есть, с кем его разделить. Сад, наполненный цветами и надеждой, стал символом их нового пути, который только начинался.

Солнце медленно опускалось за горизонт, и вечерняя синь, пронизанная оранжевыми и красными оттенками, окутала дворец, как мягкое одеяло. Паша и Настя стояли на балконе, облокотившись на холодные каменные перила, и смотрели на этот завораживающий закат. Ветер нежно трепал волосы Насти, а Паша, ощутив тепло её присутствия, уставился в бесконечность, борясь с нарастающим чувством тревоги.

– Как это красиво, – тихо произнесла Настя, прерывая молчание. Её голос был полон удивления, словно она впервые осознала, что такое настоящая красота. – Я никогда не видела ничего подобного.

Паша отвел взгляд от горизонта и посмотрел на её лицо, освещенное последними лучами солнца. Он заметил, как её глаза блестят, отражая огни заката – в них читалась не только радость, но и надежда. Это было то, что ему так не хватало в последние дни.

– Да, – согласился он. – Но красота этого мира не должна оставаться лишь картинкой. Мы можем сделать так, чтобы она стала реальностью для всех.

Настя внимательно слушала, и Паша почувствовал, как его слова пробуждают в ней что-то важное. Он продолжил, хотя внутри него бушевали противоречивые чувства.

– Я... Я понимаю, что это не просто мечты. Мы должны действовать, Настя. Я чувствую, что теперь – часть чего-то большего. Я не могу просто наблюдать, как всё это разрушается.

Настя повернулась к нему, её глаза полны решимости. – А что мы можем сделать? Мы всего лишь дети. И ты... ты не человек.

Паша закрыл глаза на мгновение, позволяя себе ощутить ту новую сущность, которую он принял. Он вспомнил, как однажды, будучи человеком, мечтал о великих свершениях. Но сейчас, в теле пса, он понимал – действия не требуют величия, они требуют смелости.

– Мы можем начать с маленьких шагов, – сказал он, открывая глаза и встречая её взгляд. – Помогать тем, кто нуждается. Защищать тех, кто слаб. Мы можем быть голосом для тех, кого никто не слышит.

Настя задумалась, её губы слегка приподнялись в улыбке. – Ты прав. Я всегда думала, что могу лишь следовать за взрослыми, но, может быть, пришло время действовать самой.

Паша почувствовал, как от её слов в его сердце разливается тепло. Они стояли на краю нового мира, где каждое действие могло изменить всё. Он встал немного на цыпочки, чтобы лучше видеть закат, и вдруг его взгляд поймал тенистую фигуру, идущую по саду. Это был Николай II, который медленно приближался к ним, его лицо выражало задумчивость.

– Вы о чем-то говорите? – спросил он, останавливаясь рядом.

– О будущем, – ответила Настя, слегка смутившись. – Мы хотим сделать мир лучше.

Император на мгновение замер, в его глазах зажглась искра интереса. – Это благородная цель. Но помните, что настоящая сила – в понимании и единстве. Я был слеп, когда думал, что могу справиться со всем один.

Паша почувствовал, как внутри него зреет уверенность. – Мы не одни, – произнес он, оборачиваясь к царю. – Мы можем работать вместе, чтобы навести порядок в этом мире.

Николай II кивнул, и в его глазах Паша увидел надежду. Это было что-то новое и обнадеживающее, словно они все втроем образовали непобедимую команду. Закат продолжал разгораться, а вечерний свет заполнил дворец теплотой и жизнью.

Паша вдруг осознал, что это не просто разговор. Это была их общая мечта, их общее будущее. Он знал, что впереди будет много трудностей, но вместе с Настей и царём они

могли преодолеть все преграды.

– Давайте начнем прямо сейчас, – произнес он, полон решимости. – Мы можем изменить мир, если будем действовать вместе.

Настя улыбнулась, и её голос снова стал уверенным. – Да, давай сделаем это.

И в этот момент, на фоне золотистого заката, они поняли, что их мечты могут стать реальностью, если они будут верить друг в друга и в себя.

Свет утреннего солнца пробивался сквозь окна кухни, освещая пространство, переполненное суматохой. Паша, уже ставший собакой, находился в центре этого хаоса. Кастрюли гремели, повара сыпали ругательства, а аромат свежей выпечки и жаркого смешивался с запахом пота и стресса. Он чувствовал себя как муха в паутине, окруженный бурлящими потоками человеческой жизни, но сам оставаясь в стороне.

– Давай, давай, быстрее! – кричала Аграфена, её голос звенел как бубен при урагане. На её лице было выражение, которое Паша мог бы назвать "всё схвачено", если бы не знал, что это только маска. Она металась между рабочими, как дирижёр, теряющий контроль над оркестром.

– Да что ж ты за повар такой, а? – возмущался один из мужчин, втирая в тесто муку, словно пытался выместить на нём свои переживания. – Если бы ты хоть раз нормально замесил, не пришлось бы потом все переделывать!

Паша, не зная, как вписаться в эту картину, прятался под столом, как будто это укрытие могло его спасти от этой хаотичной реальности. Он чувствовал себя беспомощным и униженным, осознавая, что его способности в человеческом теле теперь ничего не значили. Вокруг сновали люди, а он, словно потерянная игрушка, не знал, как выжить в этом новом мире.

– О, ты, кажется, не так прост, как я думала! – вдруг крикнула Аграфена, заметив его. Она указала на Пашу, и все взгляды поваров обратились к нему. – Что это за щенок? Ты тут случайный или работать пришёл?

Паша смотрел на неё с надеждой. Может быть, если он сделает что-то полезное, его примут? И как по волшебству, он заметил движение в углу кухни. Там, под столом, шевелилась серая крыса. Она выглядела такой смелой и дерзкой, словно знала, что здесь ей всё позволено. Паша, движимый инстинктом, который он никогда не испытывал, мгновенно ринулся к ней.

– Эй! Куда ты?! – закричал один из поваров, когда Паша, ловко увернувшись, схватил крысу зубами и прижал её к полу.

Кухня замерла. Все взгляды снова обратились к нему. Паша почувствовал, как его сердце забилось быстрее. В этом мгновении он не был просто щенком – он был героем. Он был тем, кто спасает.

– Что за чёрт, собачья порода! – воскликнула Аграфена,

её голос напоминал раскаты грома. – Ты что, думаешь, что крысу поймал? Мы тут на завтрак не крысиный суп готовим!

Повар, который только что ругался, засмеялся, но в его глазах Паша увидел что-то другое – интерес. Он чувствовал, что, возможно, это именно тот момент, когда он сможет стать частью этой команды.

– Собаки, они всегда на чеку, – усмехнулся повар, подходя ближе. – Это лучше, чем если бы она у нас тут пробиралась без помех.

Паша, всё ещё держа крысу, почувствовал, как внутри него зарождается уверенность. Может быть, он не остался на обочине. У него есть новые инстинкты, которые могут быть полезны. Он отпустил крысу, и та, в панике, метнулась к выходу. Но в этот миг Паша обернулся к поварам.

– Если вы хотите, я могу помочь! – произнес он, хотя понимал, что его слова звучат как бульканье. Его голос был не более чем лай, но в этот момент это не имело значения. В кухне, где царил хаос, он почувствовал, что может стать частью чего-то большего.

Аграфена, всё ещё в недоумении, посмотрела на него с интересом. – Ну что ж, если ты такой умный, покажи, на что способен!

Паша, ободрённый её словами, почувствовал, как в нём разгорается пламя. Это было не просто желание выжить – это было стремление доказать, что он может больше. Он побежал к столу, запрыгнул на него и начал искать, чем мог бы

помочь. В этот момент он вдруг осознал: этот мир не так уж и плох, если ты готов бороться за своё место в нём.

Паша выскочил на улицу, вытянув шею и закружив хвостом, будто бы это был его последний шанс. Полдень обнял город тёплыми лучами, и в воздухе витал запах свежей выпечки, смешивавшийся с ароматом трав. Он был полон энергии, а его сердце стучало в унисон с ритмом двора, где жизнь кипела, как в старом добром фильме.

Дворовые собаки, изначально недоверчиво осматривающие его, теперь с интересом подходили ближе. Паша почувствовал, как их взгляды стали чуть мягче, а хвосты – более дружелюбными. Он ловко обошёл вокруг них, показывая, что не просто пришёл за едой, а готов стать частью их стаи.

– Ты не так плох, как кажется! – раздался голос одного из псов, его шкура была иссечена шрамами, но в глазах светился лукавый огонёк. – Слышь, а ты знаешь, как ловить крыс?

Паша, запоздало осознав, что не может ответить словесно, лишь вяло закивал. Внутри него как будто сработала пружина, и он, наконец, смог сфокусироваться на своих новых инстинктах. Он вспомнил, как ловко забирался на крышу и выслеживал своих врагов. «Я сейчас не просто собака. Я – Паша, и у меня есть цель!» – мелькнула мысль, и с каждой секундой уверенность росла.

Кругом собралось всё больше псов. Один из них, с длинной шерстью и хитрым выражением лица, начал рассказывать о своих приключениях, о том, как однажды ему удалось

обмануть целую стаю кошек. С каждым словом Паша чувствовал, как его одиночество начинает рассеиваться, словно утренний туман под солнцем.

– Да, и я их поймал, – продолжал пес, – и знаешь, что самое смешное? Они думали, что хитрят, а я просто знал, где прячутся!

Паша не мог удержаться от улыбки, даже если у него и не было человека, который бы её увидел. Он вжился в эти истории, подбадривая своих новых друзей, и вскоре сам начал рассказывать – о том, как ловил крыс на кухне, и о том, как однажды его чуть не поймали.

– Слушай, а может, ты покажешь нам, как это делается? – спросил один из собак, с недоумением наклонив голову.

Паша почувствовал, как внутри него всё закипело. Он встал на лапы, словно на сцене, и с гордостью начал демонстрировать свои навыки. Он ловко, как будто это было частью его природы, подбегал к обрывающимся с крыши крысам, подскакивал и ловил их. Каждый раз, когда он это делал, собаки подбадривали его воем и лаем.

В этот момент он вдруг понял, что не просто хочет быть частью их сообщества – он действительно стал им. Взаимодействие с этими простыми, но искренними существами помогло ему осознать, что одиночество – это не обязательно отсутствие компании. Это отсутствие понимания, которое он наконец-то нашёл среди этих дворовых псов.

Но в сердце его по-прежнему оставалась горечь. Паша

тоскует по тому, что потерял: по дому, по Насте, по человеческому существованию. Он осознавал, что, хотя у него были новые друзья, в этих отношениях всё ещё не хватало той глубины, которая была у него с людьми. Дворовые собаки могли стать его новой семьёй, но как можно заменить ту связь, что связывает человека с человеком?

– Ты не один, – вдруг произнёс старший пес, словно прочитав его мысли. – Мы все здесь, и мы все – часть чего-то большего.

Эти слова обняли его, как тёплый плед в холодный вечер. Паша посмотрел на своих новых друзей, и его сердце наполнилось надеждой. Может быть, в конце концов, он и правда найдет своё место в этом мире, где каждый день – это борьба, но также и возможность быть нужным.

В этот миг он осознал, что его новая жизнь в теле пса – это не конец, а начало. И, возможно, настоящая дружба не требует слов.

Кухня во дворце, где когда-то царила суета, теперь погрузилась в тишину, лишь изредка нарушаемую тихими звуками: каплями воды, падающими с крана, и шорохами, исходящими из-за угла. Полумрак окутывал массивные деревянные столы, заставленные посудой и недоеденной пищей, будто каждый предмет хранил свои тайны. Паша, поднимаясь на лапах, осторожно прокрадывался к углу, где два слуги переговаривались, не замечая, как он приближается.

– Мы должны действовать до Рождества, иначе всё про-

падёт! – произнес первый слуга, его лицо было напряжено, а глаза искали подтверждения своих опасений в темноте.

– Тот, кто переодевается в повара, будет с ними. Мы должны быть осторожны, – ответил второй, его голос звучал низко и настороженно, как будто он боялся, что его слова могут привлечь внимание не только Паши, но и кого-то более опасного.

Паша затаил дыхание, его сердце колотилось в груди, как будто оно хотело вырваться наружу. Он чувствовал, как страх охватывает его, словно тёмная пелена, сковывающая движения. В его голове мелькали образы Насти, её доброй улыбки и нежного голоса. Он не мог допустить, чтобы её жизнь была под угрозой. Ему нужно было действовать.

Паша вжался в тень, стараясь не издавать ни звука. Слуги продолжали обсуждать что-то важное, но смысл их слов ускользал от него, пока он не поймал фразу:

– ...взрыв. Это единственный способ.

Слово "взрыв" пронзило его, как острое лезвие. Паша понял, что это не просто разговор о каком-то далеком заговоре – это угроза, которая могла разрушить всё, что ему дорого. Настя, Николай, даже эти слуги, которые не осознавали, в какую игру они были втянуты. Он не мог позволить этому случиться.

В этот момент в кухне раздался громкий треск, и один из стульев, стоявший неподалеку, рухнул на пол, прерывая шёпот слуг. Паша, инстинктивно насторожившись, отскочил

назад, прячась в тени. Слуги обернулись, их лица исказились от испуга.

– Ты что, дурак? – прошипел первый слуга, указывая на стул. – Неужели ты не понимаешь, что нас могут услышать?

– Я знаю, – ответил второй, стиснув зубы. – Но если мы не успеем...

Паша не мог ждать, он должен был найти Настю, предупредить её. Он выскользнул из укрытия и, не раздумывая, направился к выходу. В его голове трещали мысли, как натянутые струны, и он чувствовал, как страх и решимость переплетаются, создавая нечто новое.

Когда он выбрался из кухни, коридоры дворца встретили его полумраком, но Паша знал, куда идти. Каждый шаг давался тяжело, но он не мог позволить себе остановиться. В сердце его разгоралась искра надежды – он должен был защитить свою подругу.

На мгновение он представил, как Настя сидит в своей комнате, уткнувшись в книгу. Её мир был таким хрупким, и он был готов бороться за него. Даже если для этого придётся столкнуться с тенями, которые притаились в мраке.

Двигаясь по коридорам, Паша чувствовал, как окружающий его мир наполняется тревожным ожиданием. Темнота сжимала его, как нежная, но беспощадная рука, и он понимал, что время на исходе. Он должен был предупредить её, прежде чем заговор, о котором шептались слуги, стал реальностью.

– Настя! – прошептал он, когда наконец добрался до её двери, и, не дождавшись ответа, толкнул её носом. Она открыла глаза и встретила его настороженный взгляд, и в этот момент они оба поняли: их судьбы переплетены, и от них зависело, сбудется ли угроза, о которой говорили слуги.

Паша, вглядываясь в тёмный коридор, вдруг почувствовал, как холодный ветер пронзает его, заставляя вздрогнуть. Он не мог позволить себе расслабиться, но сердце его колотилось в унисон с подавленным страхом. Он знал, что должен действовать быстро. Настя не могла остаться одна в это тревожное утро. С каждой секундой его решимость крепла, как будто сама судьба подталкивала его к действию.

Собравшись с силами, Паша вернулся к покоям царя. Дверь, украшенная изысканными резными узорами, казалась ему непреодолимой преградой. Он толкнул её носом, и она слегка приоткрылась. Внутри царских покоев царила витающая в воздухе роскошь, которая, несмотря на всю свою красоту, обнажала тревогу. Мягкие бархатные драпировки, золотые лампы и резные стулья казались ему неуместными в это мгновение.

– Кто здесь? Уберите эту собаку! – раздался голос Николая II, резкий и уставший. Он говорил с несколькими советниками, окружавшими его, и его внимание было полностью поглощено их спорами. Паша, замерев в дверях, вдруг почувствовал, как в груди застрял ком.

– Нет, я должен быть услышан... – мысленно повторял

он, стараясь подавить страх, который накатывал волнами. Он понимал, что это его единственный шанс спасти Настю и, возможно, весь дворец.

Паша шагнул вперёд, но его лапы казались тяжёлыми, словно они были обвешаны гирями. Он издал тихий, но настойчивый звук, пытаясь привлечь внимание царя. Николай, обернувшись, на мгновение встретил его взгляд. В этом взгляде сквозила усталость и тревога, словно сам монарх чувствовал, что что-то не так.

– Уберите эту собаку! – повторил он, но в его голосе уже не звучало прежнего раздражения. Он как будто инстинктивно понимал, что этот пес не просто животное.

Паша знал, что у него нет времени на раздумья. Он вновь ринулся к царю, его сердце стучало в унисон с тревожными мыслями. Он должен был донести до Николая всю правду. В его сознании пронеслись образы Насти, её добрые глаза, полные надежды, и он вдруг осознал, что его выбор – это не просто вопрос спасения себя. Это вопрос человечности, которой он был лишён, но которую всё равно хотел вернуть.

– Ваше Величество! – неожиданно произнёс он, его голос прозвучал как тихий щебет. Николай, обернувшись, замер, и на мгновение в его глазах отразилась искра понимания. Это был не просто пес. Это был тот, кто, возможно, мог что-то изменить.

– Что ты хочешь сказать? – спросил царь, и в его голосе уже звучала осторожная заинтересованность.

Паша, не отрывая взгляда от Николая, попытался собраться с мыслями. В его голове царил хаос, но он знал, что не может позволить себе ошибиться. Он вспомнил о заговоре, о том, что может произойти, если он не успеет.

– Я... я слышал о заговоре, Ваше Величество. Они хотят... они хотят что-то сделать с вами, с дворцом... с Настей...

Николай внимательно смотрел на него, его лицо осветилось пониманием, как будто он наконец увидел в этом маленьком существе не просто животное, а носителя важной информации. Внутри царя что-то шевельнулось.

– Заговор? – повторил он, наклонившись ближе. – Ты уверен?

Паша чувствовал, как его внутренние страхи отступают, уступая место решимости. Он кивнул и издал тихий звук, который, в его понимании, должен был быть утвердительным.

– Я слышал, как говорили слуги, Ваше Величество. Они собираются действовать, и я... я не могу позволить этому случиться. Я должен помочь.

В глазах Николая отразилась печаль и усталость, но также и надежда. Он, казалось, перестал быть царём, окружённым утратой и предательством, а стал человеком, которому кто-то доверяет свои переживания.

– Хорошо, – сказал он, и в его голосе уже звучала решимость. – Говори, что ты знаешь. Мы должны подготовиться.

Паша почувствовал, как его сердце наполнилось теплом.

Он, возможно, не был человеком, но в этот момент он стал кем-то большим, чем просто собака. Он стал голосом надежды.

В личных покоях Николая II царил тишина, нарушаемая лишь шуршанием занавесок, когда лёгкий ветерок из открытого окна проносил с собой запахи цветущего сада. Снаружи слышался пение птиц, но внутри комнаты стояла атмосфера подавленности. Усталый император сидел на диване, опустив голову. Его взгляд скользил по пейзажу, но мысли были далеко – в мрачных коридорах власти, где шептались о предательстве, и в темных углах, где зрели заговора.

Паша, что-то вроде собаки, но с человеческой душой, наблюдал за царём, его сердце сжималось от сострадания. Он чувствовал, как нарастает напряжение, как будто сам воздух вокруг пропитан тревогой. Внутри него боролись страх и решимость. "Я вижу, что вы страдаете. Ваше будущее под угрозой..." – эти слова звучали в его голове, но произнести их вслух было чем-то почти невозможным.

Николай вдруг поднял голову, словно услышав внутренний голос Паши. – Ты говоришь... как человек. Что ты знаешь? – его голос был полон недоумения и растерянности, но в нём также сквозила искра надежды.

Паша подошёл ближе, его маленькие лапы легонько шуршали по ковру. Он чувствовал, что это его шанс, и не мог его упустить. – Я слышал, как говорили слуги, Ваше Величество. Они собираются действовать, и я... я не могу позво-

лить этому случиться. Я должен помочь, – произнёс он, хотя на самом деле это был лишь тихий вздох, но в его глазах горела решимость.

Николай наклонился к нему, и, казалось, весь мир вокруг них растворился. – Заговор? – повторил он, и в его голосе уже звучала не просто растерянность, а искренний интерес. – Ты уверен?

Маленький Паша кивнул, стараясь передать всю силу своих слов. Он издал звук, который, хотя и был неразборчивым, был наполнен глубокой уверенностью. Внутри Николая что-то шевельнулось, и он, казалось, начал видеть в этом пушистом существе нечто большее, чем просто собаку.

– Хорошо, – сказал он, и в его голосе уже звучала решимость. – Говори, что ты знаешь. Мы должны подготовиться.

Паша ощутил, как его сердце наполнилось теплом. Он, возможно, не был человеком, но в этот момент он стал чем-то большим, чем просто собака. Он стал голосом надежды.

– Я слышал, как они обсуждали... – начал он, и его слова, хоть и звучали как трепетный лай, были полны смысла. – Они хотят, чтобы вы... ушли. Не оставив следа. Я не знаю всех имен, но там есть один человек – Виктор. Он... он не остановится.

Николай нахмурился, его взгляд стал сосредоточенным. – Виктор? Ты знаешь, кто он?

Паша вдохнул, стараясь найти слова, которые бы передали всю важность ситуации. – Он... он говорит о справедли-

ности, о том, что мир должен измениться. Но это не так просто, Ваше Величество. Я видел, как он презирает слабость, и он не остановится перед насилием.

Император прижал руки к подбородку, его лицо отражало всю тяжесть принятия решений, которые ему предстояло сделать. Он вновь взглянул в окно, но теперь с другой точки зрения. За пределами дворца, в тених, скрывались не только цветы и птицы, но и тьма, готовая поглотить всё.

– Мы все находимся на перепутье, – произнёс Николай, его голос стал тише, но в нём звучала новая сила. – Я должен знать, что делать дальше.

Паша, поймав эту искру надежды, почувствовал, как его собственные страхи отступают. В этот момент он стал не просто свидетелем, а частью чего-то большего. Он, маленький пёс с большими идеями, был готов бороться за человечность, даже если это означало противостоять самому времени и судьбе.

Полдень. Солнечные лучи пробивались сквозь тяжелые занавеси, отбрасывая мягкие тени на паркет, выложенный из светлого дерева. В личных покоях Николая II царила почти зловещая тишина, нарушаемая лишь легким шорохом тканей и тихими шагами слуг за дверью. Паша, находясь в теле пса, ощутил каждое движение, каждый взгляд, словно они были частью общего напряженного паузы. Он смотрел на царя, сидящего за массивным столом, и чувствовал, как в воздухе витает страх.

– Эти события... Они неизбежны? – произнес Николай, его голос дрожал, словно он сам не верил в сказанное. Глядя на Пашу, он искал подтверждения, надежды, которую сам же и разрушал.

Паша, хоть и находясь в теле собаки, внутренне напрягся. Он понимал, что каждое его слово может изменить ход истории, но что сказать? В его голове зрело осознание, что именно сейчас, в этом моменте, его роль не ограничивалась лишь наблюдением. Он должен был действовать.

– Вы можете изменить их, если захотите, – пронеслось у него в мыслях, но он не мог произнести это вслух. Вместо этого, он покачал головой, как будто инстинктивно пытаясь передать свою решимость.

Николай, погруженный в раздумья, вновь отвернулся к окну, где на горизонте виднелись расползающиеся тени. Он чувствовал, как тьма заползает в его жизнь, и это знание угнетало. В его сердце боролись долг и страх, как два противоборствующих воина, каждый из которых требовал своей жертвы.

– Я обязан защитить людей, – произнес он, будто обращаясь не только к Паше, но и к себе. – Но как я могу это сделать, если мне не известен путь?

Паша ощутил, как его собственное сердце замирает. Он был не просто собакой. Он был носителем надежды, той самой искры, которая могла разжечь пламя перемен. И хотя его существование в этом мире было обременено недоумением

и страхом, он чувствовал, что у него есть что-то важное для передачи.

– Ваше Величество... – он приподнял голову, как будто собираясь заговорить. Но вместо этого лишь тихо вздохнул. В этот момент он осознал, что слова могут быть иными. Они могут быть делом. Он может помочь не только Николаю, но и самому себе, если станет действовать.

– Вы видите, что происходит вокруг, – продолжал Николай, вновь обращаясь к Паше. – Я не знаю, как бороться с этим. Каждый мой шаг может привести к разрушению всего, что я когда-либо создавал.

Паша, полон решимости, метнулся к ногам царя и лег, как будто желая стать его опорой. Николай невольно прикрыл глаза, его рука легла на шерсть пса. В этом жесте Паша уловил не только страх, но и искру надежды. Он почувствовал, что может стать связующим звеном между прошлым и будущим, между царем и его народом.

– Вы не одни, – произнес Николай, и его голос стал крепче. – Я должен принять решение, но... как?

Паша, вновь ощутив прилив сил, поднялся на лапы и, оглядываясь вокруг, словно искал ответ в тени и светлых участках комнаты, почувствовал, что время не ждет. Он должен сделать шаг, который позволит Николаю увидеть мир его глазами, почувствовать страхи и надежды простых людей.

– Ваше Величество, – тихо произнес он, внимая собственному внутреннему голосу. – Вы должны увидеть не только

свою власть, но и своих людей. Они ждут вас.

Николай, словно пробуждаясь от долгого сна, посмотрел на Пашу. В его взгляде читалось понимание. Возможно, именно в этом и заключается его долг: не просто править, а стать частью народа, почувствовать его страдания и надежды.

И в этот момент, когда солнечный свет окрасил комнату в теплые оттенки, Паша понял, что он не просто пёс, а ключ к пониманию, который может открыть двери к будущему. Именно от него зависело, сможет ли Николай сделать правильный выбор.

Кухня Зимнего дворца бурлила, как кипящий котел. Древние деревянные балки, черные от времени, поддерживали своды, где в воздухе витал аромат свежеприготовленных блюд: жареного мяса, пряных супов и сладких пирогов. Паша, теперь уже уважаемый среди псов, сидел в углу, прильнув к холодной каменной стене. Его взгляд скользил по поварам, которые метались между столами, как муравьи, занятые работой. Каждый из них был погружён в свои дела, но Паша знал: в этом хаосе таится нечто большее.

– Аграфена, что-то здесь не так, – произнесла повариха, её голос был хриплым от усталости, но в нем слышалась тревога. Она вытирала пот со лба, бросая быстрые взгляды к двери, как будто ожидала, что оттуда появится кто-то, кого лучше не видеть.

Паша напряг уши, стараясь уловить каждое слово. Вокруг

него царил атмосфера напряжения, и он чувствовал, что в этом искреннем беспокойстве кроется нечто важное.

– Я слышала, что многие недовольны положением вещей, – продолжила Аграфена, её голос стал тише, словно она боялась, что стены могут подслушать. – Вчера один из слуг говорил с лакеем... о каком-то заговоре. Говорят, что кто-то хочет изменить все это, вы понимаете?

Паша напрягся. Он вспомнил разговоры, которые слышал в зале, когда Николай II открыл ему свои страхи. Слова повара отозвались в его сердце. В этом дворце, где всё казалось роскошным, затаилась тень. Он должен был узнать больше, чтобы защитить людей, которые даже не подозревали о надвигающейся опасности.

– Ты не должна так волноваться, – ответил другой повар, закатывая глаза. – Это всего лишь слухи. Иногда мне кажется, что мы живем в сказке, а не в реальности. Но ты права – что-то здесь не так. Я сам заметил, что многие из слуг переглядываются, как будто ждут чего-то плохого.

Паша, присев чуть ниже, осмотрел кухню. Огромные медные кастрюли, наполненные кипящими супами, издавали пар, который поднимался к потолку, а свет от ламп освещал лица поваров, полные усталости и тревоги. Он чувствовал, что его роль здесь меняется, и теперь он – не просто наблюдатель, а активный участник событий.

– Почему бы нам не поговорить с другими? – внезапно предложила Аграфена, её голос стал более решительным. –

Если мы объединим усилия, может, сможем что-то изменить. Я не хочу, чтобы наш труд пропал зря.

Паша ощутил, как его сердце забилося быстрее. Он понимал, что именно так и должны действовать люди – объединяясь и поддерживая друг друга. В этом дворце, полном тайн и запутанных интриг, он мог стать связующим звеном между слугами и царской семьей. Он мог помочь им увидеть друг друга.

– Да, нам нужно быть осторожными, – согласился один из поваров, почесывая бороду. – Но мы должны поговорить. Если кто-то из нас действительно планирует что-то, это может оказать влияние на всех.

Паша, вновь поднимая голову, осознал, что теперь ему нужно действовать. Он должен был найти способ донести эту информацию до Николая, чтобы его Величество не стал жертвой заговорщиков. Он должен был быть голосом тех, кто не мог говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.